

Андрей Шманкевич

ПРО МИТЮ и ВИТЮ

Андрей Мухоморов

ПРО МИТЮ И ВИТЮ

Андрей
Мманкевич

ПРО МИТЮ и ВИТЮ

Иллюстрации Э. Мизурова

Москва

Издательство «Мелик-Пашаев»

2016

УДК 821.112.2-93
ББК 84(Рос-Рус)
Ш71

ISBN 978-5-9907700-7-2

© Издательство «Мелик-Пашаев», 2016

Умелые руки

Не успел Митя утром одеться и умыться, как раздался телефонный звонок.

— Не иначе как твой дружок спозаранку трезвонит... — сказала мама. — Опять что-нибудь такое придумал, что и на голову не наденешь...

— Это ты, Мить? — послышалось в трубке.

— Я...

— А это я, Витя... Мить, у тебя умелые руки?

— Как это — умелые? — не понял Митя.

— Ну, делать ты что-нибудь умеешь? Строгать там или пилить.

— А то ты не знаешь! Немножко умею, а что? Опять что-нибудь придумал и хочешь, чтобы я сделал? — усмехнулся Митя.

— А я теперь и сам всё могу делать. И тебя, если захочешь, тоже научу! — кричал Витя в телефонную трубку.

— Ну вот, понесло!.. Ох, и любишь ты хвастать! — перебил дружка Митя.

— Я хвастаю? А вот приходи скорее к нам, и я тебе покажу, что я умею делать... Толькохвати с собой свою копилку! — кричал Витя.

— Да ты что, за деньги собираешься показывать? — возмутился Митя.

Но оказалось, что деньги нужны были для общего дела — на приобретение инструментов. Всякому понятно, что даже при самых умелых руках без инструментов ничего путного не смастеришь.

Витя уже опустошил свою копилку — глиняного бульдога с перевязанной щекой — и добыл из неё при помощи столового ножа рубль семьдесят пять копеек в серебре и меди.

Встречая Митю, Витя показал ему книгу под названием «Умелые руки».

— Это мне один папин знакомый подарил. Я её почти всю прочёл и теперь что хочешь в два счёта могу сделать... — захлёбываясь, говорил Витя. — А потом, когда чего-нибудь дома сделаем, мы и в школе организуем кружок «Умелые руки». Я буду старостой, а ты будешь инструменты выдавать...

— Там видно будет... — пробасил Митя и стал с помощью столового ножа добывать из своего козла-копилки гривенники, двугривенные, пятиалтынные.

Он был бережливее Вити, у него только двугривенных набралось больше чем на два рубля. Всего перевозачинатели кружка «Умелые руки» собрали три рубля девяносто пять копеек и помчались в магазин, в котором продаются всевозможные инструменты.

Разных инструментов в магазине было полным-полно. Рубанки и ножовки, стамески и плоскогубцы, кисти и молотки, топоры и клещи... Инструменты лежали под стеклом на витрине, грудились на полках, висели по стенам на специальных щитах. У ребят глаза разбежались. Может быть, поэтому они и купили, что поближе лежало, — коловорот с набором свёрл.

— Рубанок надо было купить... — ворчал потом Митя, подходя к дому. — Рубанком строгать можно, а что будем коловоротом делать?

— Как что!.. Дырки будем делать, — не унывал Витя. — Дырки, знаешь, тоже интересно делать... Давай вот попробуем просверлить одну в нашем заборе.

— Зачем? — удивился Митя.

— Во двор будем через неё смотреть...

— Во двор можно и через ворота смотреть, — проворчал Митя.

Но ему и самому не терпелось попробовать коловорот, и он распаковал покупку.

— Чур, я первый буду сверлить! — крикнул будущий староста кружка «Умелые руки».

— Ладно, — согласился Митя и протянул Вите сначала коловорот, а потом сверло. — Вставляй вот и сверли. Только скорее, мне тоже хочется.

Но вставить сверло в патрон оказалось не так-то просто, сверло почему-то не хотело вставляться.

— Куда же ты смотрел, когда покупал? — набросился на Митю Витя. — Тут же совсем никакого

отверстия нет. Куда же тут вставлять-то сверло?

— А сам ты куда смотрел? — надулся Митя. — Я вовсе рубанок хотел купить, а ты коловорот выбрал... Теперь куда хочешь, туда и вставляй...

Но всё же Митя взял коловорот в руки и стал его изучать со всех сторон. Не прошло и минуты, как он понял, в чём секрет.

— Эх ты, мастер-ломастер!.. — засмеялся он. — Смотри вот, повертишь патрон в ту сторону, и вот тебе гнездо раскрылось. Вставляй сверло... Так. А теперь верти в другую сторону... Ну, держится? А ты такой чепухи понять не мог.

— Подумаешь!.. — протянул Витя. — Я бы и сам догадался, так ты же скорее давай из рук вырывать,

вертеть... Зато я дырку сейчас как огнём прожгу... Смотри!..

Витя приставил сверло к доске забора, упёрся грудью в головку инструмента и начал вертеть. Но сверло только скользило по доске и никакой дыры «прожигать» не желало.

— Ну вот... Опять не посмотрели и купили тупых свёрл! — сказал Витя.

— При чём тут свёрла? Сам ты тупой... Ты же в другую сторону крутишь, — опять засмеялся Митя. — Дай-ка я просверлю сначала.

В руках у Мити коловорот сделал своё дело — сверло с мягким хрустом вошло в доску и через минуту вышло с другой стороны. Дыра получилась круглая, аккуратная. Витя хотел сразу же заглянуть в неё, но она была так высоко, что он и на цыпочках не достал. Тогда он схватил коловорот, примерился по своему росту и стал вертеть... Коловорот и в его руках сделал своё дело, и у него дыра получилась круглая и аккуратная. Глянули они каждый в свою дырку, да так и замерли от восторга: собственный двор показался им сказочно красивым.

— Как в кино... — прошептал Витя.

— Ага... — согласился Митя.

— А ты не верил, что дырки делать интересно! Ты мне всегда верь, я знаю, что надо делать... А рубанком что бы мы делали? Им дырку не просверлишь... — расхвастался Витя, точно он сотворил невесть что. — Я сейчас возьму и просверлю себе рядом ещё одну и буду смотреть, как в бинокль...

— А я что? Я тоже ещё просверлю... — сказал Митя.

Смотреть через две дыры на то, что делается во дворе, было ещё интереснее. Беда была только в том, что во дворе в это время ничего не делалось. Прямо обидно было: то всегда что-нибудь да увидишь — или грузовик уголь привезёт, или точильщик ходит под окнами и кричит: «Точить ножи-ножницы!» — или ещё там что, — а тут двор как вымер, даже никого из малышей не видно было.

— Хоть бы кто ведро на помойку вынес!.. — вздохнул Витя.

— Да... — согласился Митя. — Или хоть бы какая-нибудь собака за кошкой погналась... И то интересно было бы...

Тут Вите пришла в голову идея:

— Знаешь что? Я буду смотреть, а ты беги во двор и чего-нибудь там делай... Ну, попляши там или на руках походи... Я потом тебе расскажу, интересно было или нет.

— Ишь придумал!.. — обиделся Митя. — Что я тебе, клоун, чтобы на руках ходить? Сам походи и ходи, а я буду смотреть.

— Нет, ты иди... Потому что я первый так придумал... — настаивал Витя. — А то я и придумывай, я же и на руках ходи. Хитрый какой!..

Тут они непременно должны были поссориться, но этому помешал Серёжка из седьмой квартиры. Ребята с ним почти никогда не водились, потому что это был самый отчаянный ябедник во всей школе.

— Вы чего тут делаете? — спросил он.

В другое время Витя и Митя, может быть, и не ответили бы ему, но сейчас они оба стали наперебой доказывать, да так, чтобы Серёжка их рассудил — кому из них следует смотреть в дырки, а кому ходить во дворе на руках. Но хитрый ябедник

Серёжка больше заинтересовался самими дырками, чем спором.

— А ну-ка, дайте-ка я сначала сам в дырки гляну, — сказал он и хотел уже посмотреть.

Но Витя немедленно схватил его за штаны и оттащил от забора.

— Ты чего к чужим дыркам тянешься? Свои надо иметь! Пришёл на готовенькое!..

— А тебе что, жалко показать? — огрызнулся Серёжка.

— Ну и не показывай! Очень надо!.. Пойду вот и скажу дяде Николаю, что вы забор портите...

Митя хотел было крикнуть: «Иди, ябеда, говори...» — но, вспомнив, что дядя Николай дворник и что за дырки в заборе в самом деле может влететь, примирительно сказал:

— Ладно... Мы тебе тоже просверлим дырку, только ты сначала сходи во двор и там немножко чего-нибудь поделай... Попредставляй как в кино или как в цирке.

Серёжка взвесил предложение и сказал:

— Кабы две дырки, тогда бы я...

— Хорошо. Просверлим две... Беги во двор, — немедленно согласился Витя.

Но Серёжка побежал не сразу. Он выставил одно условие:

— Одну дырку я сам проверчу...

— Там видно будет... — сказал Митя. — Иди, пока мы согласны, а то других найдём.

Больше Серёжка условий ставить не стал и побежал «представлять». Он старался вовсю: и руками он мотал, и гримасы строил, показывал, как ходят пьяные, и ещё что-то.

Зрители, Митя с Витей, хохотали до упаду.

— Ты на четвереньках побегай!.. — кричал Митя.

— На руках походи!.. — визжал от восторга Витя.

Серёжка старался вовсю. Он честно старался, зарабатывая две дырки в заборе, одну из которых он думал провертеть сам.

Если раньше во дворе было пусто, то теперь и грузовик приехал, и тётенька ведро вынесла на помойку, малыши высыпали из всех дверей. Все останавливались и с недоумением смотрели на Серёжку — что это с парнем делается, чего это он один посреди двора на четвереньках ползает? Все смотрели на Серёжку, а он так вошёл в роль, что уже ничего не замечал.

Тут кто-то сбегал за Серёжкиной матерью, и она, бросив на кухне всё печёное и варёное, выбежала во двор.

— Серёженька! Мальчик мой! Что с тобою? — крикнула она. — Тебя что, бешеная собака укусила?

Серёжка сразу очнулся, увидел, что все на него смотрят, и бросился со двора. Мать кинулась за ним, за ней малыши...

— Бежим! — крикнул Витя.

Но тут кто-то крепко схватил его за руку. Витя так и обмер с перепугу: перед ним стоял дворник

дядя Николай. Другой рукой он крепко держал Митю.

— Граждане! Что же это такое? Весь забор издырявили! — сказал он страшным басом, хотя ещё никаких граждан не было, они ещё бежали по двору вслед за Серёжкой.

— Пустите!.. — пропищал Витя.

— Мы больше не будем!.. — прошептал Митя.

— Нет уж... Знаю я вашего брата! — сказал дядя Николай. — Идёмте к родителям...

Он провёл ребят мимо застывших зрителей, так что Витя с Митей так и не узнали, чем кончилось представление и поймала ли Серёжкина мать своего «ненормального» Серёжку или он сбежал от стыда за тридевять кварталов.

У Вити никого дома не было, и дядя Николай отпустил его, предварительно высказавшись в том смысле, что умный человек и с метлой, к примеру, может пользу приносить, а другой и с машиной только вред принесёт. Вечером дядя Николай обещал ещё заглянуть.

Митина мама, выслушав дядю Николая, немедленно усадила Митю за уроки до прихода с работы отца.

Примерно через час Витя позвонил Мите:

— Митя! Ты чего делаешь?

— Уроки... — уныло ответил Митя. — А ты что?

— А я работаю...

— Работаешь? А что ты делаешь?

— Дырки в стульях... Мы купили новые стулья, но они все без дырок. Вот я их и переделываю.

— А зачем в стульях нужны дырки? — удивился Митя.

— Не знаю... Но ведь бывают же стулья с дырками. Вон у нас на кухне такой стоит. Я делаю по середине одну большую дырку, а по краям маленькие. Очень красиво получается... Три стула я уже переделал, остаётся ещё четыре... Потом буду вертеть дырки в дверях...

— А в дверях зачем? — ещё больше удивился Митя.

— Для вентиляции... Как в ванной. У нас, знаешь, без таких дырочек очень душно бывает... Чего ты хихикаешь в трубку?

— Да потому что подумал: что тебе за стулья твоя мама скажет? — засмеялся Митя.

— Скажет, что я молодец! Что у меня умелые руки... Ну, мне некогда с тобой лясы точить, мне работать надо, — сказал Витя усталым голосом и повесил трубку.

Он больше не звонил до самого вечера. Митя не выдержал и сам позвонил. К телефону подошла Витина мама.

— Позовите, пожалуйста, Витю, — попросил Митя.

— Он не может подойти, — сердито сказала Витина мама.

— А он что, работает?

— Нет, уже не работает... Он стоит, уткнувшись носом в угол, и думает, что бы ему ещё в доме испортить, кроме стульев, дверей и моих туфель...

— Он и в туфлях дырки вертел? — ахнул Митя.

— Да. Он сделал из них красивые босоножки и уверяет, что они мне будут очень идти... Из отцовских ботинок он успел пока сделать только левую сандалету, правую они будут делать вместе... Ну, всё?

— Всё... — тихо сказал Митя, вспомнив, что и ему предстоит разговор с отцом.

— Ну если понятно, то вешай трубку. Тут зачем-то пришёл дядя Николай. Может быть, вы и у него что-нибудь переделали своими «умелыми руками»?

Митя ничего не ответил и торопливо повесил трубку.

Жертвы «молнии»

Витя питал большое пристрастие к телефону. Он готов был висеть на телефоне и днём и среди ночи, хотя звонил он всего лишь своему дружку Мите и ещё по номеру 100 узнавал время через каждые полчаса.

Чтобы поговорить с Митей, ему достаточно было открыть дверь своей квартиры и нажать кнопку на противоположной двери. Однако Витя предпочитал предупредить Митю о своём приходе по телефону.

— Это ты, Мить? — спрашивал он.

— Нет! Это кошка Мурка, — отвечал Митя.

— Тогда, Мурка, отопри мне дверь. Я иду к вам...

Но вот однажды случился совсем другой разговор.

— Слушай, Мить! — кричал Витя в трубку. — Приходи сейчас к нам... Такое тебе покажу, что ты ахнешь! Я отопри дверь.

— Чепуху небось какую-нибудь покажешь, — не поверил Митя, но всё же направился к приятелю.

Дверь оказалась отпертой, но ни в первой, ни во второй комнате, ни на кухне никого не было.

— Вить! — позвал Митя. — Ты что, спрятался? Это и есть твоя новость?

Ответа не последовало. Только в передней, как послышалось Мите, кто-то приглушённо хихикнул.

— Кончай, — проворчал Митя. — Разыгрался, как маленький...

Он хотел добавить, что уйдёт, ежели дружок не объявится, но передумал: не мог же Витя так спрятаться в квартире, что его нельзя найти.

Митя быстро заглянул под стол, под все кровати, осмотрел ванную, даже в платяной шкаф заглянул — Вити нигде не было. Зато в тёмном уголке за шкафом Митя обнаружил целую кучу туристского снаряжения. Там лежали два туго набитых рюкзака, котелки, фляги, мотки верёвок, два ледоруба, палатки. У самой стены лежал ещё какой-то свёрток.

Забыв про Витю, Митя взял ледоруб и стал его рассматривать. Это был одновременно и молоток и кирка. Им можно было и колоть лёд, и забивать костыли.

Ледоруб был насажен на длинную рукоятку. Митя решил попробовать, высоко ли можно достать ледорубом. Попробовал достать до потолка — роста не хватило. Тогда он решил встать на свёрток у стены. И только он поставил на него ногу, как свёрток ожил и заорал на всю квартиру.

— Ты что меня топчешь? Обрадовался, что нашёл? Обрадовался, что я не могу сдачи дать?

Митя наконец пришёл в себя и понял, что в свёртке находится его приятель.

— А я и не думал, что это ты... Как ты туда забрался? Кто тебя так упаковал?

— Никто меня не упаковывал, — ответил свёрток, поднимаясь с пола. — Это спальный туристский мешок. Я сам в него залез. Смотри, как здорово...

Верх мешка отбросился, показалась рука, нащупала «язычок» «молнии», и Витя появился перед Митей с видом Колумба, только что открывшего Америку.

— Папа с товарищами был на Кавказе, — сообщил Витя. — Они там делали восхождение на разные пики... Им приходилось спать прямо на снегу в палатках и в спальнях мешках. Здорово? В таком мешке, если хочешь знать, можно хоть на самом Северном полюсе спать... Хочешь попробовать?

Митя не заставил себя уговаривать. Он тут же забрался в мешок, и Витя застегнул «молнию».

— Хорошо?

— Спрашиваешь! — рассмеялся от удовольствия Митя. — А тут просторно. Мы бы и вдвоём могли спать в таком мешке.

— А что? Давай попробуем!.. Подвинься-ка...

Витя улёгся рядом с Митей и старательно застегнул «молнию». Вдвоём лежать в мешке было тесновато, но при нужде спать было можно.

— На полюсе спать вдвоём даже лучше! — сказал Витя. — Теплее...

— Наверно, — согласился Митя. — А в комнате я бы и полчаса в мешке не проспал... Жарко... Давай вылезать, а то я уже вспотел...

— Ну давай. — Витя ухватился за «язычок», дёрнул один раз, другой... Замок «молнии» не двигался.

— Ну, чего ты копаешься? Жарко же... — сказал Митя.

— Не отпирается. Попробуй ты, — ответил Витя.

Через полчаса усиленной возни с замком ребята стало ясно, что они попали в западню.

— И когда я только поумнею? Когда я перестану тебя слушаться? — запричитал Митя. — Я тут с ума сойду от жары... Перестань толкать меня локтями в спину... Думай лучше, что нам делать.

— К папиному столу нам нужно добраться. Там у него в ящике инструменты. Может быть, клещами открыли бы... — сказал Витя.

До стола было каких-нибудь пять-шесть шагов... Но как им было пройти это расстояние! С трудом поднялись они на ноги, но стоило им сделать первый шаг, как они снова очутились на полу.

— Так у нас ничего не получится, — сказал Витя. — Нам надо делать прыжки обоим сразу, по команде.

Они снова с великим трудом поднялись на ноги, и Витя, просчитав до трёх, сделал попытку прыгнуть и так стукнул затылком Митю в подбородок, что тот повалился навзничь, увлекая за собой и Витю.

— Заманил в мешок, — захныкал Митя. — Так и без зубов с тобой останешься.

— А почему ты не прыгал вместе со мной, по команде? Ты думаешь, мне не досталось? У меня теперь, наверно, сотрясение мозгов будет... Пощупай затылок, там, наверно, гуля вскочила... Давай

попробуем перекатываться. Перекатимся раза четыре и как раз будем у стола, — предложил Витя.

Витин папа любил повторять, что очень часто теория расходится с практикой. Сейчас ребятам пришлось в этом убедиться на пятом витке своего путешествия к столу. Стоило Вите в пятый раз перевалиться через Митю, как произошло столкновение с телефонной тумбочкой, которая находилась далеко в стороне от папиного стола.

— Стоп! — крикнул Витя. — Я придумал! Сейчас позвоним кому-нибудь по телефону, и нас выручат.

— Молодец! — похвалил Митя. — Звони скорее.

Но — удивительное дело! — сколько ни копались ребята в памяти, ни одного полезного телефона вспомнить не могли.

— 01 при пожаре надо звонить... 02 — милиция... Может, позвоним 03? В «скорую помощь»? А что? Мы же на самом деле нуждаемся в скорой помощи, — предложил Витя.

— Ну да... А врач сейчас же нам закатит по уколу от столбняка, — напомнил Митя, и вопрос о «скорой помощи» сразу отпал.

— Тогда в милицию... Придёт участковый, и всё будет в порядке.

— Постой! — перебил Витю Митя. — А кто открывает дверь?

— Тогда вот что, — сказал Митя. — Нам нужно сохранять силы... Я читал, что в таких случаях надо лежать совершенно неподвижно.

Сохранять силы путём полной неподвижности оказалось не так уж трудно. Когда Витина мама пришла с работы, то застала ребят действительно в совершенно неподвижном состоянии. Если бы она могла сразу же увидеть их лица, то, пожалуй, и не испугалась бы. Витя и Митя мирно похрапывали в мешке, и обоим им снилось, что они спят на полюсе. Только Вите снился Северный полюс, а Мите — Южный.

Тринадцатый лишний

Сегодня я получил письмо из Заполярья, — как бы между прочим, сказал Мите Витя по дороге в школу. — Ты не знаешь, у меня в Мурманске живут два двоюродных брата и троюродная сестра.

— Интересно, почему это Нюрка стала тебе вдруг троюродной сестрой, если она родная сестра Вовки и Сашки? — засмеялся Митя.

— Братьев двое — значит, они двоюродные... А Нюрка третья, значит... Ну, да это неважно. Важно, что они мне пишут. Читай!

В письме троюродная Нюрка сообщала о том, что они организовали в своём дворе что-то вроде кратко-срочного детского сада. Теперь мамы, если им надо было куда-нибудь отлучиться, могли оставить своих маленьких на детской площадке или в красном уголке на попечение дежурных ребят.

— Ты думаешь, у нас нельзя поднять такое движение? Сколько угодно! Только скажи нашим мамам — сотню малышей приволокут, — принялся фантазировать Витя.

Сотню не сотню, а когда Митя и Витя объявили мамам о своём намерении, они с великим удовольствием поддержали их движение тем, что привели на детскую площадку целую дюжину ребятшек.

— Хорошо бы и девочек, особенно старшеклассниц, привлечь к этому делу, — пожелали мамы.

— На готовенькое прибегут и девочки. Важно начать! Но вы не беспокойтесь за маленьких, справимся! Не с такими справлялись, — успокоил мамаш Витя.

После такого заверения мамы со спокойной душой ушли по своим делам, а зачинатели движения приступили к делу.

— Дети! Сейчас мы для вас слепим снежную бабу, — заявили они своим воспитанникам.

— Мы тоже слепим для вас бабу! — ответили малыши хором, как в хорошем коллективе самостоятельности. — Наша баба будет красивее вашей!

— Ха-ха-ха! — ответил на это воспитатель Витя. — Цыплят по осени считают!.. Помните только, что снежная баба, чем она будет страшнее, тем лучше!..

Между воспитателями и воспитанниками разгорелось здоровое соревнование по лепке снежных баб.

И те и другие творили с таким подъёмом, что друг на друга не обращали никакого внимания. Малыши скоро так вывалились в снег, что Митя чуть было не прилепил одного из них вместо головы к своей снежной бабе.

— Ну, чья взяла? — торжествующе спросил Витя, когда пришло время «считать цыплят». — Чья баба красивее?

— Наша! — не задумываясь, ответил хор малышей. — Она же самая некрасивая, значит, самая красивая! Что нам за это будет?

Честно говоря, воспитатели, принимая во внимание условия соревнования, должны были признать себя побеждёнными: юные скульпторы сотворили такое произведение искусства, что сами на него по-смастривали со страхом.

— Ладно, уступим им, — примирительно сказал Митя. — Не забывай, что они совсем ещё малыши. Вот этот, с конопушками, ещё и говорить как следует не умеет... Премию надо было бы им дать...

— Премию? Сейчас будет им премия! — крикнул Витя и умчался домой.

Через минуту он вернулся и стал раздавать ребятишкам по одному круглому печенью и по одной ириске «Золотой ключик».

И тут случилось совершенно непредвиденное: он отдал последний кружок печенья и последний «ключик», а перед ним стоял ещё один малыш, желающий получить премию.

— Что случилось? Не мог принести на всех? — набросился на него Митя.

— Я принёс на всех... По счёту брал... — смутился Витя. — Ты лучше их самих пересчитай.

— А чего там считать... — начал было Митя, но тут же осёкся: малышей действительно была не дюжина, а тринадцать.

— Вот это номер! Как же мы теперь узнаем, который из них лишний, и куда мы его денем? — сказал Витя, поёжившись.

— Как — куда? В милицию отведём или ты его усыновишь, — подсказал выход Митя.

— Почему это я должен его усыновлять? — опешил Витя.

— Ты первый зачинатель движения — тебе и усыновлять...

Тринадцатого лишнего удалось выявить только после того, как мамы опознали своих ребят, предварительно очистив их от снега.

Им оказался тот самый малыш, который ещё толком говорить не умел.

— Ты чей? — начали его допрашивать ребята.

— Айн и айн, — ответил малыш.

— Ясно... А где ты живёшь?

— Ома...

— Ещё яснее! А зовут тебя как?

— А я...

— А я? — Митя посмотрел на Витю. — Кажется, он ещё вдобавок и девчонка... Может быть, ты знаешь свою фамилию?

— Аяенго... — твёрдо ответил тринадцатый лишний и протянул руку за премией.

— Да нет у меня больше ничего! — сказал Витя и даже карман вывернул.

У Аи Аяенго глаза мигом уподобились двум родничкам, губы задрожали, наверно, в поисках подходящих слов, он повернулся и побежал в дальний угол двора, огороженный глухим забором.

— Куда ты, мальчик! — закричал Витя.

— Подожди, девчонка! — уговаривал Митя.

А малое существо забежало за грудку ящиков и... точно на небо вознеслось.

Митя и Витя чуть лбами не стукнулись о забор. Им так было жаль малыша, что они оба готовы были немедленно его усыновить...

И вдруг за забором раздались радостные крики.

— Валя! Валенька! — закричала одна женщина отчаянно-радостным голосом.

— Сидоренко! Ты почему это убегаешь без спроса? — кричала вторая облегчённо-строго.

— Это он из настоящего детсада к нам удрал, — первым пришёл в себя Митя. — Где-то в заборе есть дырка.

— Значит, ему было у нас интересней! — пришёл в себя и Витя. — Вот видишь, мы так развернёмся, что они к нам все перебегут! Завтра же надо будет подготовить ребят, для них каток залить...

— Каток? Да ты что? — рассмеялся Митя. — Ты бы ещё трамплин для них построил! Высотой с дом. И первым с него прыгнет твоя Ая!

— Не «моя», а «мой»... — огрызнулся Витя. — Он хоть и тринадцатый лишний, а парень что надо... Такого можно с закрытыми глазами усыновлять!

Сухопутные утки

Разве сам Витя смог бы толково объяснить, почему он купил двух утят-однодневок?

Просто за утятами на рынке стояла очередь. Витя тоже встал в затылок за какой-то старушкой и, когда подошла его очередь, сказал:

— Заверните парочку...

— Зачем они тебе понадобились? — спросил Митя.

— Ты только посмотри, какие они хорошенькие!... Ты только возьми одного на ладошку... Вот

возьми, возьми... Ну, видишь, что это за утята? — кричал Витя.

Митя видел, но всё никак не мог прийти в себя. Наконец он произнёс, полузаикаясь:

— Где... ты собираешься их выращивать?..

— У тебя, — не задумываясь, ответил Витя. — Не у меня же... У нас мама не разрешит...

— А я что, сирота? У меня что, мамы нет? Да? Ты об этом подумал? — взорвался Митя. — Девайся со своими утятами куда хочешь! Без меня покупал, без меня и воспитывай!

И Митя, забыв, что у него на ладошке прикорнул утёнок, захлопнул дверь перед самым Витиным носом. А когда опомнился и бросился на лестничную площадку, Вити там уже не было. Он уже захлопнул дверь в своей квартире напротив.

Часа через полтора Витя позвонил Мите по телефону и, захлёбываясь, сообщил:

— Мить! Ты знаешь, что мой утёнок делает? Учится летать... Честное слово! Знаешь, он приподнимается на ножках и часто-часто машет крылышками... Смешно так... А твой что делает?

— Мой сидит нахохлившись... Спит, наверное... — ответил Митя ещё не совсем дружелюбным тоном.

— Это он не спит, а тоскует... Думает небось, что его братец без вести пропал... Сейчас мы с нашим Мики придём к нему в гости...

Утята, кажется, действительно обрадовались друг другу — они запищали, заволновались...

— Нет, врозь им жить нельзя, — решительно сказал Витя. — Дарю тебе и второго...

— Спасибо, — ответил Митя. — Только не стоит беспокоиться, мне и первого не надо. Я его у тебя не просил. Забирай обоих...

Витя насупился, взял утят и направился к двери.

— Уж если покупать, то надо было покупать цыплят. Они на сухом месте привыкли жить. А утята? Им же вода нужна. Они же водоплавающие птицы, — проворчал ему вслед Митя.

Витя вдруг просиял весь:

— Бежим в ванную! То-то я думаю: чего они скучные? Чего им не хватает?..

Однако, когда ребята наполнили ванну водой и пустили в неё утят, те подняли панический писк и стали изо всех сил пытаться выбраться из ванны по стенкам.

— Нет, это не годится, — сказал Митя. — Им надо настоящую воду, какой-нибудь пруд или озеро.

— Тогда надо везти их на Истринское водохранилище, — тут же решил Витя.

— А почему не на Куйбышевское море? — засмеялся Митя. — В Измайлово их надо повезти...

Дул прохладный ветерок, срывался дождик, но ребята решили, что это не повлияет на здоровье утят.

— Знаешь, как они сейчас обрадуются? — повизгивал от восторга Витя, спеша к пруду. — Им что дождик?.. Чепуха... Для них чем больше воды,

тем лучше... Ты своего запускать будешь, а я своего. Посмотрим, кто кого обгонит.

Витя выхватил из картонной коробки, в которой ребята привезли утят, одного утёнка и поставил его у кромки воды. Митя опустил второго рядом. Однако утята и не подумали броситься в пруд, как ожидали ребята. Наоборот, они с паническим писком попятились от воды.

— Чего это они? Вроде как боятся воды... — удивился Витя.

— Ясно, боятся, — подтвердил Митя. — Не иначе как ты сухопутную породу купил.

И, как ни старались ребята, как ни уговаривали своих питомцев, как ни подталкивали к воде, утята ни за что не хотели покинуть земную твердь и всё жались к их ногам.

— Кажется, я догадался, — сказал Митя. — Без утки они в воду не полезут. Когда утка утят высиживает, так она потом и плавать их учит. Она поплывёт, и утята за ней...

— Как же нам быть? Где мы возьмём утку? — совсем упал духом Витя.

— А зачем нам утка? — усмехнулся Митя. — Ты купил утят, они тебя уже знают, ты для них вроде как родитель. Вот ты и полезай в воду и покажи им, как надо плавать.

— Почему это я один должен лезть? — начал выкручиваться Витя. — Я подарил тебе второго утёнка, значит, и ты теперь вроде как родитель...

Потом, ты же всегда хвастаешь, что плаваешь лучше меня. Если уж учить утят плавать, так надо учить их плавать стильно...

Но это на Митю не подействовало, и пришлось Вите стаскивать штаны.

— Рубашку можно не снимать, — смилостивился Митя. — Тут мелко. Нам бы их только в воду заманить, а там они сами освоятся. Отходи от берега и зови их: «Утя-утя-утя...»

— Утя-утя-утя!.. — жалобно, с дрожью в голосе звал своих питомцев Витя, пятясь от берега.

Но утята и не думали следовать за своим «родителем». Они ещё крепче прижимались друг к другу и даже глаза позакрывали.

— Разве так надо звать? — начал покрикивать Митя на приятеля. — Поласковее надо и погромче. А то бормочет чего-то там себе под нос...

— А ты сам залезь, вот и позови ласково! — огрызнулся Витя. — Знаешь, какая вода холодная...

Ой! Тону!.. — вдруг закричал он и скрылся под водой.

Митя и пошевелиться не успел, как Витя уже снова показался над водой и с таким отчаянием бросился к берегу, что по глади прошли штормовые волны. Одна такая волна подхватила дремавших утят. Они точно очнулись и вдруг, к великой радости ребят, поплыли, да так резво, что через минуту были уже на середине пруда.

— Поплыли!.. Поплыли!.. — заорал Витя, позабыв про свои невзгоды. — Мой Мики впереди!..

— Почему ты думаешь, что это твой Мики? — рассердился Митя.

— Потому что впереди... — отрезал Витя.

Домой ребята возвращались с последним поездом метро. Витя еле держался на ногах и спал на ходу.

— Завтра же отвезу их за город и кому-нибудь отдам... — бормотал он. — Это же не утята, а какие-то дикари... Ты им «утя-утя», а они и ухом не ведут! У меня даже горло заболело от крика. Точно я сто порций мороженого съел.

— А у меня, думаешь, не болит? Ещё как болит...

В вагоне Митя вдруг рассмеялся и сказал:

— А знаешь, почему они вдруг поплыли? Потому что ты воду взмутил. Я вспомнил, как про это наша тётя Надя рассказывала...

Митя хотел было передать рассказ тёти Нади, но Витя его уже не слышал: он крепко спал, прислонившись мокрым плечом к руке какой-то женщины.

Бешеный кот

этого рассказа может быть два начала. Можно начать с того, как Митя с Витей собирались на подлёдную рыбалку, как Витя, со слов дяди Николая, старшего дворника, чертил подробную карту водоёма и ставил на ней крестики в тех местах, где плотва грандиозных размеров ждёт не дожётся, когда кто-нибудь из рыболовов предложит ей крохотный кусочек теста, сдобренный ванилью. А можно начать и с того, как за этой же рыбой собирался старый кот по имени Филька.

Поскольку танцевать принято начинать от печки, начнём от печки и мы, тем более что она играла в жизни Фильки не последнюю роль.

По утрам Филька покидал своё тёплое логово в домике сторожа лодочного причала и отправлялся на промысел. Только не думайте, что он отправлялся за мышами. Нет, мыши ему даже во сне не снились. Снилось Фильке только рыба.

Летом дело обстояло проще — по утрам он обследовал все лодки на причале: не осталось ли какой забытой рыбёшки. Вечерами рыболовы сами делились с ним добычей. Зимой дело обстояло хуже — надо было самому отправляться на лёд и по очереди обходить рыболовов, сидящих у лунок. Особенно не нравилось Фильке такое занятие в оттепели, когда на льду появлялись лужи. Однако рыбки-то хотелось!

Так было и в этот день.

Ночь и утро выдались тёплыми, капало с крыш, снег осел и на льду появились большие лужи. Филька брезгливо пофыркал на крыльце, но на печку не вернулся...

Теперь посмотрим, какими были дела у Мити с Витей. Кажется, на этот раз Витя ничего не напутал в своей карте и точно попал на место, рекомендованное дядей Николаем. Правда, рыба попадалась им далеко не грандиозных размеров, но поплавки в воде то и дело вздрагивали, и ребята делали торопливые подсечки.

— Ну, Мить, если дело так пойдёт, то мы до вечера обловимся! — повизгивал от удовольствия Витя. — Не успели сесть, а у меня уже пятёк есть...

— Ничего, подходяще клюёт... — басил в ответ Митя. — Только я не люблю заранее подсчитывать.

И тут как раз Митя и увидел Фильку. Он даже вздрогнул от неожиданности. Надо сказать, что по внешнему виду Филька очень смахивал на нечистую силу, выгнанную за какие-то грешки из преисподней. При виде его дети хватались за материнские подолы, а набожные старушки крестились и шептали за-

клипания: «Чур меня! Чур!...»

— Вить... — прошептал Митя. — Смотри, какая зверюга к нам пожаловала.

Витя взглянул и сам чуть было не запричитал заклинания.

От ребят Фильку отделяла большущая лужа. Не будь рядом с их лунками ещё трепещущей рыбы, Филька, может быть, и ушёл бы к другим рыболовам, но теперь он уже не мог уйти. При

виде рыбы у него в животе появились колики и начался нервный тик: кончик облезлого хвоста стал беспрерывно подёргиваться, верхняя губа с жёсткими усами дрожать, как при лихорадке, а из раскрытой пасти стал вырываться приглушённый львиный рык.

— Мить! Знаешь, мне что-то очень не нравится этот котяра... — прошептал Витя. — Как ты думаешь, он не бешеный?

— Да... Видик у него... — ответил Митя тоже не совсем бодрым голосом. — Хорошо ещё, что он на той стороне лужи...

— Ты думаешь, что он и на самом деле бешеный? — поёжился Витя.

Ребята совсем перестали следить за поплавками. Они смотрели теперь только на Фильку и изредка бросали тоскливые взгляды в сторону других рыболовов, сидевших поодаль грачиной стаей.

— Может быть, нам потихонечку... — начал было Витя, но не успел выразить словами свою мысль до конца: Филька вдруг весь сжался, затем взмыл

в воздух и опустился на снег у ног оторопевшего Вити, вперив в него глаза такого жуткого цвета со зловещими искрами, что у Вити сразу пропали всякие сомнения относительно Филькиной нормальности.

— Ой! Ты видишь, какие у него гла... глаза?.. — еле выговорил Витя.

Митя ничего не успел ответить: бешеный кот сделал новый прыжок и очутился у Вити на плечах. Филька часто так делал, когда на льду было мокро, — вскакивал на плечи к рыболовам и принимался кланчить рыбу: «Рыы... ры... ры...»

Витя взял самую высокую ноту, на которую только были способны его голосовые связки, свалился со своего сундучка на снег, покатился по нему, а потом вскочил и понёсся с немислимой быстротой в сторону рыболовов.

Он летел, не оглядываясь, не разбирая дороги, по лужам, так что вода разлеталась в стороны фонтанами. Он слушал сзади топот — это бежал за ним Митя, но Вите казалось, что это топочет бешеный кот, и он ещё выше поднимал колени, чуть не стучал ими по подбородку.

Остановил ребят только окрик одного из рыболовов, которого они чуть не сбили с его сундучка:

— Вы что это, сказились, что ли?

— На... на нас кот напал!.. — еле выговорил Митя.

— Д-и-и-кий... — добавил Витя. — Бе-е-ешеный...

— Да вы сами часом не рехнулись? Где это видно, чтобы бешеные животные по воде ходили,

когда для них вода что бензин зажённый? Сказочки сочиняете... — ругался рыболов.

— Да не сказки... — засмеялся другой рыболов. — Это их Филька в панику вогнал... Только почему вы его за бешеного приняли?

— Так он же набросился на меня... — принялся объяснять Витя. — Как сиганёт на плечи! Как зарычит!

— А он ко всем прыгает на плечи, ежели на льду мокро. И не рычит он, а мурлычет. Рыбу просит... Эх вы, мужчины!.. Такого замечательного кота испугались. Он же умница, каких мало. Он только не говорит, а всё понимает. Да я так думаю, что скоро он и говорить с нашим братом научится. Он уже половину слова «рыба» вполне ясно выговаривает... «Ры... ры... ры...», а скоро он чисто будет выговаривать: «Рыбы, рыбы дай!» А потом и закурить будет просить...

Когда ребята вернулись к своим лункам, Филька доедал последнюю плотву, и вид у него был уже такой, как будто он замолил все свои грехи и душа у него была спокойна. В глазах уже не было прежнего алчного блеска, хвост не дёргался, губа не дрожала, а из глотки уже не вырывался львиный рык, а лилось нежное урчание. Ребята могли потом поклясться, что они ясно слышали первые Филькины слова, сказанные по-человечески:

«Хоррроша ррыбка! Ррррыбка хоррроша!.. Закурррить бы теперрь...»

Пирог с сюрпризом

Если бы Витя, придя из школы, заявил матери, что завтра они с Митей отправляются в Африку ловить крокодилов для своего аквариума, мама, пожалуй, и не удивилась бы. Пожала бы плечами и, может быть, посоветовала бы прихватить зонтики на случай тропических ливней. Но, когда Витя влетел в квартиру и, еле переводя дух, сообщил, что они должны вдвоём с Митей испечь пироги к новогоднему банкету, мать не нашла ни слов, ни жестов, чтобы выразить своё удивление.

— Можешь спросить у Мити, если не веришь! Можешь хоть завучу позвонить, — стал уверять её Витя. — Это домоводством называется! Девочки тоже чего-нибудь будут печь и стряпать для банкета, но мы, все ребята, решили утереть им нос... Костя Киреев будет печенье делать, Вовка Симук мясo жарить, Серёжка Немчинов пончики будет в кипящем масле варить, а Ларик Терёхин баранки гнуть... Мы с Митей дали обещание на пироги... У нас мука есть?

— Есть... — сказала мама отчаянным голосом. — Только я тебя к муке и близко не подпущу... У нас гости соберутся Новый год встречать, когда же я успею ещё раз помыть полы и убрать всю квартиру?

— Мама! Ну что ты такое говоришь? — трагически зашептал Витя. — Мы же слово дали!.. Это

же позор будет на весь класс, на всю школу! Нас же девчонки забьют своими пирожными и пончиками.

В это время раздался звонок, и в квартире появились Митя и Митина мама.

— Слыхали?! — спросила Митина мама так, как будто на город обрушилась новая волна азиатского гриппа.

— Слыхала!.. — ответила Витина мама, как отвечают люди, которых уже предупредили о стихийном бедствии.

Мамы пошли на кухню, посоветовались и вынесли такое решение.

— Домоводство — дело хорошее, — сказали они. — Но лучше бы вы занимались этим в школе или в чужом доме. Но, поскольку обещание дано... приготовим для вас тесто и начинку, всё остальное будете делать сами... Испечёте пироги с капустой.

— Почему с капустой? — не согласился Витя. — Мы с вязигой хотели печь!

— А ты знаешь, что такое вязига? — спросила его мама.

— Ну и что же, что не знаю... Зато название какое! Ни у кого таких пирогов не будет...

— И у нас не будет. А станешь канючить, и с капустой не будет! — решительно заявила мама и отправилась ставить тесто.

Скоро у ребят появились первые познания в области кулинарии: тесто имеет свойство подниматься

на дрожжах непостижимо быстро и нестерпимо медленно.

Через полтора-два часа оно уже было готово, но попробуйте пялить на него глаза эти два часа! Митя начал заглядывать в кастрюлю уже через пять минут.

Тогда мама отогнала его и велела заняться каким-нибудь полезным делом.

— Ты лук почисть, а Митя наточит нож, — сказала она.

Пока Митя точил нож, Витя пролил столько слёз над двумя луковицами, сколько он, по его словам, не пролил за всё своё детство даже при самых горьких обидах. Он больше не мог смотреть на кастрюлю с тестом, но зато он ясно слышал, как тесто пытелo, стараясь удрать из-под крышки. Но мамы вовремя вывалили его на стол, добавили муки и замесили. Скоро готова была и начинка.

Началось то самое необыкновенное и незабываемое, на что ребята до этого смотрели как на дело чисто девчоночье: мамы дали им по куску теста и предложили раскатать его в лепёшки по величине противня да ещё чтобы края свисали для «защипа». Ребята схватили скалки

и набросились на тесто, как бросаются борцы и боксёры на своих противников. Через минуту пот лил с них градом, но лепёшки не желали почему-то получаться правильной формы. То с одной стороны лепёшка получалась слишком толстой, а с другой тонкой, как бумага, то не получалось прямоугольника, то в середине появлялась дыра величиной с кулак...

— Вот, будете знать, как всем мамам достаётся, — смеялась Митина мама. — А то им да и ихним папам кажется, что для нас пироги печь да картошку жарить — сплошное удовольствие

— Ничего! Первый блин, говорят, всегда комом получается, — смеялась Витина мама.

Наконец с помощью мам пирог был зачипан и отправлен в духовку.

Витина лепёшка легла на противень, на неё ровным слоем выложили капусту, Митиной лепёшкой прикрыли сверху.

— Второй делайте сами, — сказали мамы и ушли из кухни.

Ребята ещё от первого не отдышались, как пришлось браться за второй. Но теперь у них был уже опыт по домоводству, и со вторым они справились довольно быстро.

— Мама! Готово! — закричал Витя.

— Молодцы! — похвалила Митина мама. — А как себя чувствует первый? Ого! Пора его переставить, чтобы верхняя корочка подрумянилась... Митя, дай-ка мне нож...

Митя бросился искать нож, но он точно сквозь пол провалился. Витя стал ему помогать, но и вдвоём они не нашли ножа.

— Он же на столе только что лежал... Мы же им тесто резали, — приговаривали ребята, заглядывая и под стол, и под стулья.

— «Лежал, лежал»!.. — проворчала Витина мама. — А теперь не иначе как в мусоропроводе лежит... Да ладно уж, хорошо, что только одним ножом отделались...

Наконец пироги были готовы, уложены на столе и прикрыты полотенцем. Но ребята всё не могли уйти из кухни: от пирогов так аппетитно пахло, что Митя с Витей не успевали глотать слюну.

— Завтра попробуете свою стряпню, домоводы, а сейчас марш по кроватям! — скомандовали мамы.

На другой день они волновались не меньше своих сыновей, когда те понесли пироги на новогодний школьный банкет.

— Позвоните, какую отметку поставят нам всем, — просили они.

В девятом часу раздался телефонный звонок.

— Пятёрку с плюсом поставили!.. — визжал и прихрюкивал Витя в трубку.

— А плюс за что? — смеялась мама.
— За сюрприз!.. — захлёбывался Витя.
— Какой ещё сюрприз? — удивилась мама.
— За ножик!.. Мы нашли его в пироге, а ты думала, что мы его в мусоропровод выбросили... В том пироге, что мы сами делали, самостоятельно... А в первом была только одна пуговица от Митиной куртки... Нам её девочки уже пришили... У них тоже всё хорошо вышло, особенно пирожное под названием «картошка»... Я научу тебя, как его делать, записал рецепт... Надо купить двести граммов сливочного масла, лучше шоколадного, потом натолочь сухарей...

— Хорошо, хорошо... Дома расскажешь. Сейчас мне некогда, полы надо мыть, стол скоблить, твою куртку чистить. А то получилось как в пословице: «Видать, Акулина пироги пекла — все ворота в тесте».

Красные меченосцы

Я думаю, что нам надо заводить аквариум, — сказал как-то Витя. — Во-первых, это очень красиво, когда в комнате стоит аквариум. Мы таких золотых рыбок разведём, что все ребята ахнут. А ещё мы с аквариумом всегда будем знать, стоит ехать на рыбалку или не стоит, будет клёв или не будет...

— А как ты узнаешь про клёв? — спросил Митя.

— Очень просто. Будем пробовать ловить в аквариуме. Если золотые будут клевать, так простые и подавно! Иди говори маме, чтобы она дала тебе денег, и поедem на Птичий рынок. Там торгуют по воскресеньям. У меня уже есть рубль...

Пока они протискивались к рыбным рядам, разные торговцы им чуть рукава не пооторвали. Голубятники уговаривали купить пару турманов, крольчатник совал им под нос толстую крольчиху, выхватив её за уши из корзины, птичник подсовывал золотистую канарейку, которая стоила дороже жар-птицы.

Трудно простыми словами описать все причуды подводных мирков, созданных руками аквариумных дел мастеров. О населении этих мирков вообще никакими словами рассказать нельзя. Волшебство! Творения искусства! Люди вывели такие фантастические породы рыб, с таким оперением и такой раскраской, что сама матушка-природа застывала перед ними в изумлении.

Но очень скоро выяснилось, что волшебство это стоит сказочных денег. У ребят хватило их только на те четыре стекла, примазанных цементом к металлическому остову, которые отгораживают подводное царство от внешнего мира. На золотых рыбок они наскребли по карманам немного мелочи, и седобородый чародей-торговец согласился продать им одну пару красных меченосцев — рыбок величиной

с полмизинца, включая и мечевидный хвост самца. В порядке премии к аквариуму он отпустил бесплатно пригоршню речного песка, стакана три слегка подогретой воды и чахлую веточку рдеста — представительницу подводной флоры.

Когда подводный уют был создан, седебородый чародей изловил в своём аквариуме крохотным марлевым сачком самку меченосца и пересадил её в аквариум ребят. А когда дошла очередь до самца, случилось целое происшествие: самец выпрыгнул из сачка, мелькнул в воздухе красной искоркой и упал на снег прямо под ноги Вите. Витя хотел было поднять его руками, но торговец заорал на него:

— Не трожь! Нельзя руками!..

Он выскочил из-за прилавка, при всём честном народе упал на четвереньки, губами поднял рыбёшку и выплюнул её в аквариум ребят.

— Завсегда губами их надо брать, — сказал он, поднимаясь. — Чтобы чешуйки не повредить. Они существа искусственные, нежные, а ты норовил его пятернёй лапнуть...

Митя не доверил Вите нести драгоценную ношу. Он сам внёс аквариум в переполненный троллейбус. Витя шёл впереди и вежливо просил всех расступиться. У самой последней остановки, на Таганке, водитель, чтобы не врезаться в автобус, так резко тормознул, что всех пассажиров швырнуло к передней двери. Сам Митя на ногах удержался, не выронил он и аквариума, но половина воды из него выплеснулась на пол, а вместе с водой вылетела и самочка меченосца.

— Стойте! Не трожьте руками! — закричал Витя, хотя никто даже не заметил этого происшествя.

Не раздумывая, Витя упал под ноги пассажирам, вытянул губы трубочкой и громко втянул в себя воздух.

— Ну, чего же ты? Выплёвывай... — поторопил его Митя, когда он поднялся, подставляя аквариум.

Но Витя стоял перед ним онемев, глядя на него расширенными глазами.

— Да выплёвывай же! — крикнул Митя. — Она же задохнётся у тебя во рту!..

— Не могу... — выдавил наконец из себя Витя. — Она... Она, понимаешь, проглотилась...

И, чтобы Митя убедился в этом, Витя широко открыл рот и даже язык высунул. Действительно, самочки меченосца во рту у него не было.

— Что же теперь будет, Митя? Она ведь живая проглотилась. Она же шевелится в животе... Я чувствую... — захныкал Витя.

— «Что будет, что будет»!.. — окрысился Митя. — О себе только думаешь...

До самого дома Митя не сказал больше ни слова. Даже когда Витя стал уверять его, что чувствует колики в животе, что может каждую минуту умереть, у Мити не нашлось и слова сочувствия.

Аквариум они установили на Митином столе, долили воды, набросали в воду мотылей и сухого корму. Но меченосец даже попробовать ничего не захотел.

— Конечно, не будет есть, раз ты его самку проглотил! — проворчал Митя. — Он теперь наверняка пропадёт от одиночества...

Витя взял марлевый сачок и стал им подталкивать к носу рыбёшки корм. Меченосец, думая, наверно, что его опять собираются ловить, заметался по аквариуму, и не успел Витя выхватить сачок,

как меченосец вылетел из воды, упал на стол, со стола — на пол.

— Не трожь! — закричал Митя. — Я сам!..

Но Витя был уже на полу, губы его уже дотянулись до рыбёшки, он втянул в себя воздух, как исправный пылесос, и... самец-меченосец последовал за своей подругой...

Не поднимаясь с четверенек, Витя направился к двери. Он не мог посмотреть Мите в глаза.

— Я же не виноват, что они такие скользкие... Что они сами в горло проскакивают... — оправдывался он. — Других разведём... каких-нибудь шершавых...

— Да разве с тобой можно рыб разводить? С тобой только крокодилов можно разводить! — крикнул Митя. — Крокодила уж ты не проглотишь! Он сам тебя скорее проглотит!

Про карася, который не угодил на сковородку

В садке оказалась дыра, и один из двух пойманных карасей воспользовался ею и бежал... На поимку его Витя с Митей затратили полный рыбацкий день. Сбежавший карась, по всей вероятности, был родным братом оставшегося: оба они были великолепны, по пятьсот граммов каждый, и поймались одновременно — значит,

паслись вместе. По размерам они были хвост в хвост, голова в голову и похожи друг на друга так, что их и родная мать не различила бы, а вот Витя различил.

— Так тебе и надо, — сказал он. — Будешь в следующий раз проверять садок... Хорошо ещё, что мой не ушёл.

— Что такое? — возмутился Витя. — Почему это видно, что ушёл мой? И почему это я виноват, что в садке была дыра, когда он был у тебя?

— Ладно... Про садок я больше ничего не говорю, — сказал примирительно Витя. — Но карась остался мой. Ты разве не заметил, что у твоего плавники были немного бледнее?

— Почему это бледнее?

— Не знаю... Может, твой нездоров был. Может быть, у твоего развилось малокровие...

Митя до того возмутился таким заявлением приятеля, что сразу не мог ему достойно ответить.

— Ладно! Хватай своего полнокровного карася и дуй с ним на станцию! А я с тобой не то что водиться — ехать в одном вагоне, в одном поезде не желаю!..

Вечером у Мити раздался телефонный звонок.

— Приходи скорее! — кричал из трубки Витя. — Приходи и посмотри, что он вытворяет в ванне!..

Сгорая от любопытства, Митя побежал к приятелю.

— Ну, что он тут вытворяет? Показывай...

— Теперь уже ничего... Просто плавает. Отдыхает. А когда я его только пустил в воду, он так носился по всей ванне! И, знаешь, только я на минуточку вышел — он пропал! Прихожу — нет Кари... Это

я его так зову — Каря...

Я туда, я сюда — нет его нигде! Потом нашёл...

Оказывается, как только я вышел, он выпрыгнул из ванны и спрятался за корзину с бельём.

Теперь вот сижу и караулю, чтобы он снова

не выпрыгнул. Может быть, ты посидишь, пока я поем чего-нибудь?..

Три дня Витины родители и сам Витя ходили в Митину квартиру принимать ванну. В своей ванне они установили круглосуточное дежурство, чтобы карась не выпрыгнул и не погиб за бельевой корзиной. Правда, на третьи сутки Витин папа придумал накрывать ванну старым ковром.

— В конце концов, так продолжаться дальше не может... Все караси обречены на усыпление... — проворчал он при этом.

— Тогда усыпи его сам и зажарь со сметаной! — воскликнула в ответ мама. — А мы с сыном посмотрим, как ты будешь уничтожать его за столом на наших глазах...

Витя знал, что его отец и мухи не усыпит, не то что карася, но всё же отправился к Мите и завёл такой разговор:

— Знаешь что, Мить? Я подумал-подумал и решил, что ошибся. Наверно, это твой карась...

— Как же это ты установил? У него что, начало развиваться малокровие? — засмеялся Митя.

— Нет. Но он совсем не обращает внимания на мой голос. Сколько я ни зову его: «Каря... Каря... Каря!» — он даже хвостом не шевельнёт. Давай пересадим его в вашу ванну, и попробуй ты с ним поговорить...

С этого дня Митя и его родители стали ходить в квартиру Витиных родителей принимать ванну.

Конечно, такое положение не могло продолжаться до бесконечности, и судьба карася была поставлена на повестку дня двухсемейного совета. На совете все высказывались приблизительно так, как Митин папа:

— Карась — очень вкусная рыба... Особенно жаренная в сметане. Но... мы имеем только одного карася, а из одного, как говорят в народе, ухи не сварить... Вот если бы их было целое стадо!.. Да, да! Стадо! Про рыб тоже так говорят... Черноморское стадо кефалей, например...

На другой день после совета, на зорьке, посадив карася в молочный бидон, оба семейства в полном составе направились к Патриаршим прудам. Здесь в торжественной тишине карась из Переделкинского пруда обрёл постоянную московскую прописку. Папы проводили его с лёгкой грустью, мамы — с лёгкой слезой...

— Привыкли за неделю... — сказала Витина мама. — Оказывается, даже к холоднокровным можно привыкнуть...

А сын её заявил во всеуслышание:

— Теперь я всем буду говорить, что в самом центре Москвы живёт мой карась!..

Митя посмотрел на него с усмешкой: он твёрдо был уверен, что в Патриаршем пруду будет жить не Витин, а его карась. Последнее время он заметил, что Каря при его появлении начинал чуть-чуть чаще махать хвостом.

Петун третий

Кажется, мир действительно тесен: поехал я посмотреть на красивейшее озеро Селигер, что лежит чуть в стороне от дороги Москва — Ленинград, и кого бы вы думали встретил там? Ну конечно же, своих старых приятелей Митю и Витю. У них не обошлось без приключений и на Селигере.

В дождь, довольно поздно вечером, кто-то постучал в нашу избу. Я открыл дверь и даже растерялся: на пороге стояли мокрые до нитки Митя и Витя. Витя держал под мышкой спелёнутого полотенцем петуха с громадным оранжевым гребнем.

— Откуда вы здесь появились? — спросил я.

— Мы ту-ту-ри-сты... — ответили они в один голос.

Они так дрожали от холода, что слова раскусывали на кусочки.

— Туристы? А что вы ночью под дождём бродите? Заблудились?

— Н-не-ет... Мы не за-блудились... Нас прогнали из палаток... Из-за него прогнали... — еле выговорил Митя и показал на Витю.

— Не из-за меня, а из-за петуна... — запротестовал Витя и показал мне спелёнутого петуха.

Я хотел было дотронуться рукой до роскошного петушиного гребня. Но только я протянул руку, как петух с такой силой клюнул меня в палец, что я даже вскрикнул.

— Видели? — сказал Витя. — Всех так клюёт... За это нас и прогнали из палаток... Велели не приходить в лагерь, пока куда-нибудь его не денем... Он ещё орёт ни свет ни заря...

— Басом орёт... Целый час... — добавил Митя. — А потом целый день дерётся, шпорами царапает... Вы посмотрите, какие у него шпоры!

Митя осторожно, с опаской развернул край полотенца и высвободил правую петушиную ногу. На ноге красовалась такая огромная чёрная шпора, что я невольно отодвинулся. Таким шпорам позавидовал бы любой кавалерист.

— Вы пальцем, пальцем попробуйте, какие они у него острые... — пожаловался Витя. — Все ноги нам порасцарапал... Налетит как скаженный, и не отобьёшься от него.

— Откуда вы его взяли, такого разбойника? — стал допытываться я.

И тут выяснилась вот какая история. В школе, где учатся Митя и Витя, организовалась туристская группа для путешествия по Селигеру. Конечно, Митя с Витей не могли остаться в стороне от такого путешествия. В группе у каждого были свои обязанности. Наши герои попали в продовольственно-закупочную комиссию. Они закупали в деревнях молоко и картошку, яйца и кур в ошипанном виде. Покупали и петунов (так на Селигере называют петухов). И вот в одной деревне какая-то старушка уговорила Витю купить живого петуна. Она так его расхваливала, так дёшево отдавала, что Витя не выдержал и купил петуха в живом виде.

По счёту это был третий петух, закупленный комиссией.

— Ну что мы с ним будем делать? — спрашивал Митя по дороге в лагерь. — Не нравится он мне, какой-то подозрительный этот третий. Ты заметил, что деревенские ребята за животы хватались, когда мы несли его по деревне?

— Не знаю, чего они нашли в этом смешного... Петуна, можно сказать, на смерть несут, а они хаханьки... А мы назло им возьмём да и не зарежем его...

Ребята-туристы встретили петуха довольно радостно; каждый старался погладить его по гребню,

взять на руки. Петух позволял такие фамиллярности, пока не освоился с новым положением, а затем начал проявлять характер: одного долбанул клювом в руку, да так основательно, что у того синяк появился, второму угодил в щёку так, что турист завопил от боли.

Но больше всего петун третий наскакивал на Митю и Витю. Ведь им приходилось с ним возиться — на походе они тащили его на руках, на ночь он устраивался в их палатке на каком-нибудь рюкзаке и орал своим могучим голосом «кукареку». Орал с вечера, орал в полночь, орал на заре, когда особенно хочется спать. Ребята запускали в него ботинками и тапочками, но это не помогало: петун орал и прислушивался — ответит ли ему кто из его сородичей. Не дождавшись ответа, кукарекал ещё громче.

Наконец туристы не выдержали и потребовали от Мити и Вити, чтобы петун был использован по назначению.

— В суп его! В лапшу!..

Легко было потребовать, но, когда дело дошло до исполнения приговора, из всей группы не нашлось ни одного человека, кто решился бы отрубить петуну его драчливую и крикливую голову. Не решились ребята и бросить петуна в лесу одного.

— Его же в первую ночь лиса здесь сожрёт... — заявил Витя. — Лисы знаете как петушатину любят?..

— Тогда девайте его куда хотите! — закричали ребята. — А мы его больше терпеть не желаем. Он нас всех калеками и заиками сделает.

В первой же деревне, через которую пришлось проходить туристам, Митя и Витя постарались «забыть» петуна. Радости их и всех ребят не было предела. Но радость длилась недолго: догнала их на лошади молодая колхозница, швырнула петуна им под ноги да ещё накричала на всех: оказалось, что за полчаса петун третий разогнал всех деревенских петухов, а самого боевого исколотил так, что тот лежа жмётся...

Посмеялся я над всей этой историей с петуном, уложил ребят спать, пристроил петуна на холодной печке и сам лёг.

Петух, как и следовало ожидать, орал всю ночь, орал на заре. Намучился я и проснулся довольно поздно. Проснулся оттого, что кто-то стал печатать на моей пишущей машинке. Сначала я подумал, что это Митя или Витя пробуют силы, но оказалось, что силы пробовал петун третий. Он взгромоздился на стол и сосредоточенно долбал клювом по клавишам. Когда я стал его гнать, он, не раздумывая, перешёл к нападению.

— Эй, Митя, Витя! Где вы? Забирайте скорее вашего зверя и несите куда хотите!.. — закричал я, отбиваясь от петуна.

Но кричал я напрасно — ни Мити, ни Вити в избе не было. Сбежали туристы. Оставили петуна и сбежали.

Я думаю, что они нарочно это сделали: отомстили мне за то, что я про них рассказы сочиняю...

Еле уговорил я председателя колхоза принять от меня в подарок петуна третьего.

— Что вы! — говорил он. — Это же бойцовый петух. Купцы раньше такую породу выводили. Петушинные бои устраивали на потеху... А нам это ни к чему... Ежели такого петуха в хозяйстве иметь, так на воротах писать надо: «Осторожно! Во дворе злой петух!»

Афен-пинчер

Щенка было всё, что положено: четыре лапы, два уха, три чёрные точки на мордочке (нос и два глаза) и хвост кренделем.

Шерсть у него была белая с жёлто-розовым отливом, росла космами, точно он был шит из овчины. Он мог спать на спине, совсем не по-собачьи; а когда бодрствовал, то лежал на брюхе, нелепо раскинув лапы по сторонам. Как он попал во двор, никто из ребят не знал. Все брали его на руки, тискали, говорили «красавчик», «хорошенький», но никто не собирался взять его домой. Только один Вовка сумел прочесть в его глазах глубокую щенячью тоску по мягкой подстилке, тёплому углу и косточке от обеда, на которой остался бы хоть запах мяса...

«Будь что будет», — решил Вовка и понёс щенка домой.

— Ты вот что, Вовка... Ты скажи матери, что это очень породистый щенок, что ему прямо цены нет, — посоветовал Вовке его приятель Лёшка.

— Да ты что? — уставился на него Вовка. — Такой породы и не придумаешь, чтобы она к нему подходила.

Лёшка взял щенка, долго рассматривал его, морщил лоб и вдруг решительно объявил:

— А здесь и подбирать не надо породу. Это самый что ни на есть настоящий афен-пинчер*.

— Что-о-о? — опешил Вовка. — Какой пинчер?

— Афен! По-немецки значит «обезьяний». Понятно? «Обезьяний пинчер». Можешь посмотреть в Большой советской энциклопедии. Что же ты, сам-то не видишь, что ли? Он же вылитая обезьяна!

И, будто в подтверждение этому, дома мать сказала:

— Батюшки! Где ты такую обезьяну выкопал?

А когда Вовка спустил щенка с рук и тот улёгся на брюхо, раскинув лапы, мать так рассмеялась, что и без просьбы Вовки судьба Афена была решена — он обретал дом и хозяина.

Вот уж чего нельзя было сказать про Афена — это того, что он рос не по дням, а по часам. И часы проходили, и дни, и месяцы, а щенок как был

---

* Правильное написание — аффенпинчер (*прим. ред.*).

с рукавичку, так таким и остался. Только, может быть, в весе немного прибавил да в глазах у него уже не было щенячьей тоски. Всё шло хорошо, как вдруг однажды приходит Лёшка и спрашивает:

— Ты кулешовскую Альму знаешь?

— Знаю, — ответил Вовка.

Кулешовскую Альму нельзя было не знать: это была такая немецкая овчарка, какой трудно подыскать пару для сравнения.

— Вчера оценилась, — сказал Алёшка. — Всего пять щенков. Одного Серёжка по дружбе уступает нам. Понятно?

— Ничего не понятно, — ответил Вовка. — Он же не бесплатно?

— Ясно, нет. Пятёрку, по дружбе. Настоящая цена тридцатка... Два с полтиной у меня есть, дай и ты столько. Щенок пополам будет.

— Да откуда же я возьму?.. И у меня уже есть щенок, — сказал Вовка.

— Стоп! — перебил его Лёшка. — Вот тебе и деньги. Завтра воскресенье — поедem на Птичий рынок и продадим твоего Афена. Может, и дадут за него два пятьдесят...

Вовка от неожиданности долго не мог даже слова выговорить: как это так — продать Афена?

— Да очень просто! Продадим, и всё. Что с ним возиться? Я ведь наврал, что он Афен. С ним и на улицу выйти нельзя — засмеют... А с овчаркой, на поводке...

Лёшка нарисовал такие картины, так расписал будущую золотомедальную овчарку, что Вовка наконец согласился расстаться с Афеном. На следующий день, стараясь не смотреть щенку в глаза, засунув его за пазуху, Вовка отправился с Лёшкой на рынок.

Они еле протиснулись сквозь бесчисленную толпу голубятников, птичников, рыболовов и охотников в тот дальний угол базара, где разрешалось продавать собак. Долго на них никто не обращал внимания, потом один здоровенный малый бесцеремонно вытащил Афена у Вовки из-за пазухи, с минуту молча рассматривал его, потом вдруг загоготал на весь базар.

— Это что же за порода такая? — гремел он.

— Афен-пинчер, — сказал Вовка.

— «Обезьяний пинчер» по-русски, — перевёл Лёшка.

— Что, что, что? Обезьяна? Точно, обезьяна... Хо-хо-хо!..

Вовка хотел отобрать щенка, но его оттеснили.

Сразу собрался народ, к щенку потянулись десятки рук: кто хотел потянуть за ухо, кто дёрнуть за лапу; один пустил струйку дыма прямо в нос щенку, и тот

отчаянно фыркнул и зачихал. Это ещё больше развеселило верзилу, державшего Афена за загривок.

— Что, не любишь, подлец? Хо-хо-хо!.. Стой, парень, а сколько ты за него хочешь? — спросил он.

— Два пятьдесят, — сказал Лёшка. — Берите — замечательный щенок.

— Дороговато для одной варежки! — опять захохотал верзила. — Была бы пара таких обезьян, взял бы... Как раз вышло бы две рукавички.

— Отдай! — закричал Вовка, подпрыгнул и повис на руке верзилы. — Отдай, говорю!..

Верзила отпустил руку.

Схватив щенка, Вовка торопливо принялся засовывать его за отворот пальто.

— Ты чего? — зашипел ему в ухо Лёшка. — Может, он и на самом деле купит...

Но Вовка уже не слушал его. Он торопливо, нагнув голову, пробирался через толпу к выходу. Лёшка не поспел за ним и отстал.

Выбравшись за ворота, Вовка вскочил в первый попавшийся трамвай и уехал. Только когда трамвай прошёл одну остановку, он немного пришёл в себя, бережно достал Афена и прижался щекой к его мягкой шёрстке.

— Мальчик, сколько стоит твоя собака? — вдруг спросила его девочка лет пяти.

— Тысячу рублей! — зло ответил ей Вовка.

— Папа, купи щенка за тысячу... — начала ныть девчонка.

Вовке показалось, что папа и на самом деле полез в карман за деньгами.

— Нет! Не продаётся! — крикнул он и бросился к выходу.

Вечером, когда в доме все уснули, Вовка взял Афена с его подстилки, положил рядом с собой под одеяло и прошептал ему на ухо где-то услышанную поговорку:

— «Хорошо, когда собака друг, но плохо, когда друг — собака»...

И трудно было понять, кому он это адресовал — Лёшке или самому себе.

Двадцать первый барабанщик

Как говорили лагерные острословы, Юра вышался над уровнем моря всего на сто тринадцать сантиметров. Про его вес они так острили: «В походе легче будет нести самого Юрочку, чем его рюкзак». Поэтому и звали все его не Юрой, а Юрочкой.

Но это не огорчало Юрочку. Гораздо больше огорчило его то, что пришлось ему стать двадцать первым барабанщиком. Он приехал в лагерь на три дня позже других ребят и при знакомстве со старшим вожатым заявил:

— Я хочу барабанить. Я уже умею.

— Вот беда-то! — сказал вожатый. — Прямо какой-то наплыв барабанщиков получается. У нас уже есть двадцать специалистов в этой области...

— Значит, я буду двадцать первым, — не сдавался Юрочка, хотя и вздохнул по этому поводу. — Мы будем барабанить по очереди.

Однако при первой же Юрочкиной очереди выяснилось, что барабанщик он малоквалифицированный. Для лагерных дел требовалась совершенно иная дробь: боевая, задорная, бодрящая и ещё какая-то, как объяснил Юрочке Алёша, председатель совета лагеря.

— Ты не обижайся, Юрочка, но не получается у тебя, — говорил он. — Тут надо так играть, чтобы ноги сами шли, а когда ты барабанишь, даже я с ноги сбиваюсь. То у тебя слишком быстро получается, то медленно... Лучше ты у нас что-нибудь другое будешь делать. Хочешь, мы тебя в цветочную комиссию запишем?

Юрочка не на шутку обиделся:

— Это девчоночная комиссия! Не пойду! Я лучше на барабане потренируюсь или на трубе...

У Алёши от удивления приподнялись плечи:

— Что ты, Юрочка! Ты думаешь, это так просто? Чтобы стать горнистом, надо сначала амбушюр выработать.

— Какой абажур? — не поверил Юрочка.

— Не абажур, а амбушюр... Нужно научиться вот так, по-особому, губы складывать, и надо,

чтобы кожа на губах затвердела. А это не сразу делается.

— Всё равно в цветочную не запишусь! — отрезал двадцать первый барабанщик и пошёл разыскивать старшего вожатого.

Вожатый разрешил Юрочке брать барабан в свободное время, хотя и пожалел об этом уже на второй день: свободного времени у Юрочки оказалось очень много, а барабан был занят только во время линейки. К вечеру второго дня Юрочкиных занятий во всех отрядах ребята стали жаловаться, что начинают глхнуть.

— Хорошо ещё, что у него с горном ничего не получается, — говорили ребята. — Совсем бы пропали...

— Ты, Юрочка, уж слишком увлекаешься, — осторожно сказал вожатый. — Оглушил всех.

— Ладно. Я найду место, где никому не буду мешать, — сказал барабанщик и перенёс занятия в лесные окрестности лагеря.

Скоро в стенгазете появился рисунок; на нём была изображена целая сцена: на пенёчке сидел с барабаном Юрочка, а вокруг него толпились разные лесные звери с узелками за плечами. И без подписи было ясно: лесные звери собирались покинуть родные места. Выжил их двадцать первый барабанщик.

На самом же деле ни с какими лесными обитателями Юрочка не встречался, если не считать козла

из подсобного хозяйства. Козёл этот хоть и числился домашним животным, но нравом был хуже всякого дикого. Поэтому и прозвище у него было Шайтан. В музыке он ничего не смыслил, но почему-то его очень заинтересовал барабан. Стоило Юрочке начать тренировку, как Шайтан вырастал перед ним, точно из-под земли, и наставлял рога и на барабан и на самого барабанщика. Отогнать его не было никакой возможности, и пришлось Юрочке перенести занятия на морской берег.

Остряки тут же распустили по лагерю слух, что Юрочка отправился походом на всех морских обитателей и что теперь не поймать рыболовам-любителям ни одного бычка, ни одной ставридки.

Каждый раз Юрочка уходил из лагеря незаметно, чтобы никто не помешал его тренировкам. На все расспросы ребят о том, как идут его дела, он загадочно улыбался и не спешил хвастать успехами. Но как-то он подошёл к Алёше и сказал:

— Алёша! Пойдём — послушаешь...

Новый Юрочкин «класс» оказался замечательным местом. Они взобрались на вершину прибрежной скалы. Отсюда открывался чудесный вид на море. Море сверкало внизу миллиардами солнечных бликов, переливалось синим, зелёным шёлком, пестрело фиолетовыми тенями от облаков. Внизу, у берега, неустанно трудились небольшие волны. Они одна за другой набегали на чёрные обломки скал, захлёстывали их, старались сорвать

с них космы водорослей, но камни и водоросли так крепко сжились, что море ничего не могло с ними поделаться. Зато мелкую гальку волны ни на минуту не оставляли в покое: перемывали её и перекладывали с места на место.

А вправо и влево, вдаваясь в море синими мысами, тянулись скалистые берега. Сзади толпились горы, выглядывая одна из-за другой, точно и им захотелось полюбоваться морем да заодно и узнать, зачем пришли на скалу ребята.

Среди этого необъятного простора Юрочка показался Алёше совсем крохотным, и он невольно улыбнулся. Но Юрочка ничего не заметил: он готовился к испытаниям.

— Я буду играть, — сказал он, — а ты маршируй.

Юрочка набрал полную грудь воздуха, точно собиравшись петь, а не барабанить, и начал.

— Ну как? — спросил он, после того как Алёша промаршировал перед ним несколько раз взад и вперёд по площадке.

— Идёт дело... Мне только кажется, что у тебя ещё не совсем отработана сила звука. Погромче бы надо. А так ничего, вполне мастерски... Я думаю, что завтра можно будет попробовать тебя на линейке.

От радости Юрочка выколотил на барабане туш, но тут же взял себя в руки и сказал:

— Тогда ты иди, а я ещё немного позанимаюсь.

Алёша спустился по тропочке вниз, а Юрочка принялся «отрабатывать» силу звука, шагая сам под собственную музыку по площадке. Он так увлёкся, что не заметил очень рогатого и очень бородатого слушателя, появившегося из-за кустов.

Шайтан прослушал одно колено, другое, топнул ногой и сердито чихнул. Юрочка обернулся, ахнул и уронил палочки.

Дальше всё произошло с катастрофической быстротой. Бородатый крикнул густым басом: «Бе-е!» — и медленно двинулся на музыканта, выставив воинственно рога. Юрочка попятился от него, споткнулся и упал навзничь.

Бум-м-м-м!.. — И барабан очутился на рогах у Шайтана.

Такого исхода не предвидел и сам козёл. Несколько шагов он сделал с гордо поднятыми рогами, украшенными трофейным барабаном, потом пожелал его сбросить лёгким движением головы, но... не тут-то было. Барабан засел на рогах крепко. Шайтан заорал с перепугу и бросился, не разбирая дороги, вниз...

Юрочка вскочил на ноги и даже глаза протёр: не приснилось ли ему всё это? Но факт, как любил говорить Алёша, был налицо. Вернее, налицо

были только две барабанные палочки да сам барабанщик, а инструмента не было, и надо было принимать срочные меры по его спасению.

Размахивая палочками, как двумя кинжалами, Юрочка бросился в погоню. Он не бежал, а летел под гору, перепрыгивал через пни, продирался сквозь кусты, падал, снова поднимался и не переставал кричать:

— Стой! Стой! Стой! Держи его!

Кричал он так громко и так требовательно, что Шайтан совсем с перепугу потерял голову и выделял что-то невообразимое: он бодал воздух, прыгал во все стороны и вверх, ходил на задних ногах и отчаянно тряс головой. При этом он истошно орал. Когда он подбежал к своему стаду, все козы бросились от него врассыпную, точно на них волки напали.

В лагере услышали и крики Юрочки, и вопли Шайтана, и увидели всё, что происходило в кустарнике на склоне.

— Ребята! За мной! — скомандовал Алёша.

И все, кто был с ним рядом, бросились к кустарнику.

Уже на бегу Алёша перестроил свой отряд с таким расчётом, чтобы окружить похитителя со всех сторон.

— Окружай! Не давай ему прорваться! — командовал он.

Заметив, что преследователи во много раз превосходят его численностью, Шайтан метнулся в сторону, попытался прорваться к лесу, но кольцо окружения сомкнулось, и на него сразу навалилось несколько ребят. Кто-то схватил козла за бороду. Алёша сорвал с рогов барабан, а Юрочка выколол на козлиных боках дробь с той самой силой и страстью, которой так не хватало ему раньше.

Лагерное имущество, хоть и потрёпанное, хоть и с дырой в боку, было отбито. Юрочка чуть не со слезами принял от председателя барабан и долго изучал повреждение. Второй бок барабана не пострадал.

— Ладно, Юра, — стал успокаивать его Алёша, — не огорчайся. Как-нибудь отремонтируем.

Юрочка после всей этой истории, в которой он проявил столько мужества, ставший сразу Юрой, связал тесёмки барабана, перекинул их через плечо и тронул уцелевший бок палочками. Барабан откликнулся хоть и надтреснутым голосом, но вполне бодро и жизнерадостно. Юра посмотрел на ребят и улыбнулся во весь рот.

— Становись! — вдруг подал команду Алёша и показал рукой направление строя.

Моментально на полянке выросли две шеренги.

Юра встал рядом с Алёшей.

— На-пра-во! — командовал Алёша. — Музыканты, вперёд! Шагом... марш!

И грянул барабан!

Двадцать первый барабанщик стал как будто и ростом выше, и в плечах шире. Его руки обрушивали палочки на уцелевший бок лагерного барабана, и он гудел с такой силой и в таком ритме, что до самого лагеря ни один человек в строю не сбился с ноги.

— Молодец, Юра! — похвалил председатель.

— Вот видишь, а ты хотел меня в цветочную комиссию! — гордо ответил двадцать первый барабанщик.

Впрочем, с этого дня Юра стал первым и единственным лагерным барабанщиком. Никто, в том числе и остальные двадцать барабанщиков, против этого не возражал.

Синяя коробка

Всё воскресное утро Коля провозился над своим самодельным сундучком; он что-то сверлил, стругал, приколачивал... Вечером показал сундучок отцу и сказал:

— Папа, открой-ка крышку...

Отец попробовал, но у него ничего не получилось — крышка не открывалась.

— Ты что, гвоздями её приколотил? — спросил он.

— Нет! — засмеялся Коля. — Это я пристроил такой секретный замок. Его никто не откроет...

— А зачем он тебе понадобился? — удивился папа. — Что ты собираешься запирать на секретные замки? А главное, от кого?

На это Коля ответил, поглядывая на младшую сестрёнку Таню:

— Есть у меня что запирать и есть от кого.

Таня обиделась.

— Неправда! — закричала она. — Я никогда у тебя ничего без спросу не беру. Зачем ты на меня наговариваешь?

Но на другой же день, как только Коля ушёл в школу, папа на работу, а мама в магазин, Таня достала из-под кровати Колин сундучок и принялась его осматривать со всех сторон. Никакого замка на сундучке не было видно, ни внутреннего, ни всячего, а крышка не открывалась. Чем дольше возилась Таня, отыскивая замок, тем сильнее разгоралось её любопытство.

— Что он от меня там спрятал? — ворчала она. — Колька наш такой, что даром не будет секретные замки придумывать.

И вдруг совершенно случайно Таня нажала пальцем на шляпку гвоздя — шляпка торчала сбоку на

крышке, — в сундучке что-то легонько щёлкнуло, и... крышка приподнялась.

Сверху в сундучке лежали тетрадка, книжка, переводные картинки. Потом Тане попалась сломанная рогатка, кусок синего мела, четыре стреляные гильзы от винтовочных патронов и ещё разные Колины «сокровища».

— О-о-о! — протянула Таня. — Нашёл что запереть на секретные замки! Так всё лежало — я не трогала, а теперь он придумал запирать... Нужны мне его гильзы!

Но вдруг на самом дне сундучка она отыскала синюю коробку, перевязанную крест-накрест ленточкой. На коробке был нарисован вход в метро, над входом горела большая красная буква «М».

— Конфеты... — прошептала Таня. — Как же Кольке не стыдно? Запер от меня конфеты... Да ведь их всегда маленьким отдают!

Таня долго вертела коробку в руках, пока решилась посмотреть, какие же в коробке конфеты: в завёртках они лежат или просто так? Она осторожно развязала бантик и открыла коробку. Конфеты лежали в четыре ряда, по пять штук в каждом ряду, и все были завернуты в серебряные бумажки.

Потом Тане захотелось узнать, какие это конфеты: шоколадные или простые? Она осторожно, чтобы не порвать, развернула серебро. Конфеты были шоколадные, тёмно-коричневые, с рубчиками.

«А с начинкой они или нет?» — подумала Таня и разломилла одну конфету. В середине её оказалась розовая помадка.

Ну а разве с одной распробуешь их — вкусные они или нет? И, только облизав пальцы после третьей конфеты, Таня зажмурилась и сама себе сказала:

«Ишь какие у Кольки конфеты лежат под секретными замками! Были бы простые, небось не запирали бы...»

Однако она тут же подумала:

«Ой!.. Что же это я наделала? Ведь Колька узнает про всё и непременно расскажет маме. А мама обязательно скажет папе. А он не купит мне ёлку, и не будет у меня на Новый год ни ёлки, ни именин... А всё Колька виноват! Всегда он мне что-нибудь такое подстроит... Это потому, что не любит он меня...»

На душе у Тани сразу стало горько-горько. Так горько, что она взяла и съела ещё одну конфету. Но от этого на душе лучше не стало, и она всё продолжала думать, что ей теперь делать. И придумала: она взяла из буфета кусок чёрного хлеба, слепила из него четыре конфеты, завернула в серебряные бумажки и положила в коробку.

Поддельные конфеты так были похожи на настоящие, что когда на другой день Таня взяла ещё пять штук, то ей попалась одна хлебная. А через несколько дней, сколько она ни искала, ни одной настоящей конфеты в коробке найти не смогла.

— Что же это получается? — возмущалась она. — В коробке было двадцать конфет, а я слепила только девятнадцать. Значит, там ещё есть одна настоящая?

Но последнюю, настоящую, ей уже не пришлось уничтожить: Колю отпустили на каникулы. Целый день Таня с тревогой посматривала на брата, но он ничего не замечал. Потом папа принёс ёлку. Ёлку надо было украшать. Надо было звонить гостям по телефону и напоминать им, что ёлка будет не простая, а именинная, чтобы гости, чего доброго, про подарки не забыли...

За этими хлопотами Таня совсем забыла про Колины конфеты.

Гостей на именинную ёлку собралось много. Все они поздравляли Таню, дарили подарки. Последним дарил Коля. На глазах у всех он достал из-под кровати свой сундучок и, не скрывая больше от Тани секрета, нажал пальцем на гвоздь. Крышка открылась. Коля достал синюю коробку с конфетами и торжественно преподнёс сестрёнке.

— Бери, — сказал он. — Это я специально тебе на именины берёг. В детском театре я их на «викторине» выиграл. Ну и решил для тебя поберечь...

Только, если можно, дай, Тань, и мне одну, попробывать охота, какие они...

Тут гости все заулыбались, мама погладила Колю по голове, а Таня поёжилась. Дрожащими руками развязала она липкий, замусоленный бантик на коробке и открыла её. Коля, не выбирая, взял одну конфету, развернул серебро и сунул в рот. Таня зажмурилась.

«Сейчас он выплюнет конфету, и всё откроется», — подумала она.

— Ой, Таня! — сказал Коля. — Да ты только попробуй, какие они... Смотри-ка, с розовой начинкой! Пробуй, пробуй!

Пришлось попробовать.

«Вот всегда так получается! — думала Таня, разжёвывая чёрствый и уже горьковатый хлеб. — Одна была настоящая — и та Кольке досталась! А мне всегда не везёт...»

Про октябрёнка Гришу, пионера Мишу и про козла-разбойника

Все, кто живёт далеко на Севере, за Полярным кругом, считаются заполярниками. Октябрёнок Гриша и его друг пионер Миша тоже заполярники. Они живут так далеко на Севере, что дальше уже и земли нет, дальше лежит Баренцево море, а за ним Северный Ледовитый океан...

Про посёлок, в котором они живут, тоже надо сказать, что он заполярный. И про дорогу, по которой Гриша и Миша в школу ходят. Она особенная, эта заполярная дорога: сколотили её из толстых досок и уложили на большие валуны — обломки скал — и на высокие деревянные козлы. Без такой дороги трудно было бы ребятам ходить в школу. Летом и осенью им пришлось бы через каждый валун перебираться, через каждый ручеёк перепрыгивать, а зимой их пришлось бы каждый раз выкапывать из сугробов при свете северного сияния.

Ну, а если бы посредине дороги не было заполярного моста через заполярный поток с водопадом, с которого летом ребята ловили заполярную рыбу кумжу, на котором и произошло всё, о чём дальше будет речь, Гриша не ходил бы в первый класс, Миша — в пятый, и оба они остались бы заполярными неучами.

...Через поток с водопадом не перепрыгнешь, не переплывёшь его даже на заполярной лодке.

В первый раз Гришу в школу привела мама. За ручку привела. Но уже на второй день Гриша сказал решительно:

— Я не маленький и сам дойду! Ты думаешь, что я никогда до школы не добежал? Ещё сколько раз...

Мама спорить не стала.

— Правильно, сынок! — сказала она. — Не век же мне тебя за ручку водить... Вот тебе завтрак:

хлеб и кусок жареного палтуса. Сам укладывая всё в ранец и отправляясь в школу.

Взрослому человеку, такому, как Гришин папа, рыбак-помор, дорога от дома до школы покажется совсем пустяковой, а самому Грише она кажется длинной-предлинной. До моста сколько да ещё после моста столько же! А вот пионеру Мише она по-разному представляется: выучит он уроки — бегом в школу бежит, Гришу на мосту обгоняет, не выучит — целый час плетётся, за каждый сучок цепляется, с моста в воду щепки швыряет, отправляет «корабли» на верную гибель в водопаде...

Выскочил Гриша поскорее за дверь, чтобы мама не успела поцеловать, и побежал в школу. Половину дороги, до моста, он пробежал благополучно, а вот на самом мосту его ожидала рогатая и бородатая неприятность — тот самый заполярный козёл Разбойник грязно-серого цвета, про которого по посёлку ходили легенды и которого даже взрослые побаивались.

Одни рассказывали про козла, что он, забредя однажды на грузовой причал, увидел там новенький трактор, только что выгруженный с парохода, принял его за соперника и так поддал трактору в бок рогами, что тот перекувырнулся в воздухе и утонул чуть ли не на середине бухты.

Другие рассказывали, что заполярный разбойник однажды ворвался в продовольственный магазин, разогнал всех продавцов и покупателей, опрокинул

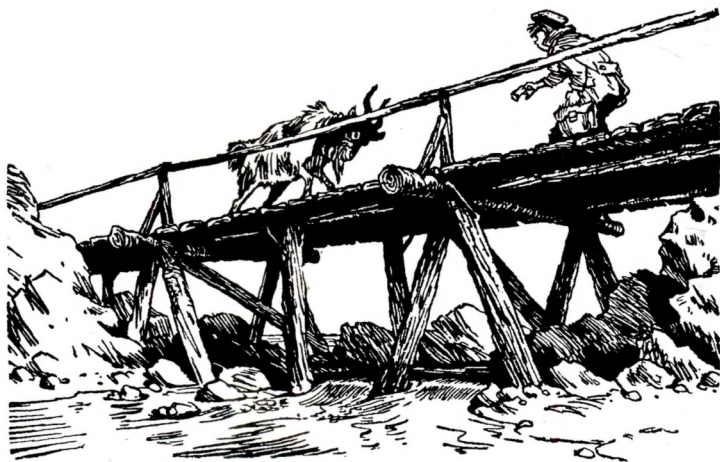
кассу вместе с кассиршей, запер завмага в кладовой на щеколду и хозяйничал в магазине, пока не уничтожил всё продовольствие... Пожарную команду вызывали!

Ну а про то, что он пачками жрёт табак-махорку, что ходит и подбирает окурки, глотает их прямо с огнём, знали в посёлке все: и старый и малый...

И вот теперь этот Разбойник стоял как раз на середине моста, смотрел на Гришу, и ничего хорошего в его взгляде Гриша для себя не видел.

«Как даст рогами, так я кувырк в водопад... Ищи меня потом на дне залива, рядом с тем трактором...» — подумал Гриша.

Можно было бы подождать, когда пройдёт кто-нибудь из взрослых или Миша подоспеет, но так

недолго и в школу опоздать. И кто знает, выучил сегодня Миша уроки или не выучил? Может, они такие трудные, что их и выучить нельзя?..

— Уходи отсюда! — крикнул Гриша козлу. — Мне в школу надо!

Но Разбойник и ухом не повёл, вроде он за шумом водопада ничего не слышал. Тогда Гриша решил его задобрить: он снял ранец, достал из него завтрак и швырнул козлу под ноги.

Разбойник крикнул: «Мэ!» — попробуем, дескать, чем вас кормят! — и принялся уничтожать рыбу, помахивая от удовольствия коротким хвостом...

А Гриша тем временем бочком, бочком проскочил мимо козла и припустился в школу.

На большой перемене все ребята завтракали, а Гриша наш только слюнки глотал...

Разбойнику Гришины завтраки вот как понравились: он и на другое утро встретил Гришу на мосту. Знал, злодей, что мост не минешь, стороной не обойдёшь...

— Как тебе не стыдно! — принялся стыдить козла Гриша. — Вон сколько ещё травы кругом, а ты у меня завтраки отбираешь...

Но козёл опять притворился, что ничего не слышит, и так в ответ сердито чихнул и топнул ногой, что ранец сам собой слетел с Гришиных плеч, сам раскрылся, и завтрак — котлета с хлебом — полетел к ногам Разбойника. И опять на большой перемене

все ребята ели свои завтраки, а Гриша только воды кипячёной попил из бачка, чтобы в животе не было скучно...

Дома он так набросился на еду, что отец с матерью глазам своим не поверили.

— Что с тобой? — сказала мама. — Неужели это уроки на тебя такой аппетит нагоняют? Раньше, бывало, тебя силком надо было за стол усаживать...

Что мог ей ответить Гриша? Рассказать про Разбойника? Тогда она непременно станет водить его в школу за ручку...

«Нет! Лучше с голоду помру, а не скажу!» — решил Гриша.

— Это, наверно, потому, что я теперь вот такой физкультурой занимаюсь... — сказал он и сделал «вдох» и «выдох».

Разбойник собирал дань аккуратно, не пропуская ни одного утра. Грише показалось, что он даже поправляться стал, в боках раздался. А как-то приснилось, что козёл до того растолстел, что загородил весь мост через поток... Съев завтрак, он потребовал, чтобы Гриша отдал ему ранец, и слопал ранец вместе с букварём, тетрадками, ручкой и карандашом... Один только ластик выплюнул: не смог разжевать...

Но и этого Разбойнику, ставшему великаном, было мало. Он топнул ногой и потребовал страшным человеческим голосом: «Скидывай берет!» И, даже не пожевав его, проглотил...

«А теперь скидывай форму!» — потребовал обна-
глевший Разбойник, и форма последовала за ран-
цем и беретом...

Но и этого козлу было мало!

«А теперь сам полезай ко мне в пасть!» — потре-
бовал он совсем уж кошмарным голосом и разверз
перед дрожащим Гришей пасть, громадную, как
пещера...

Тут уж Гриша закричал не человеческим голо-
сом, а по-козлиному, жалобно-жалобно: «Бе-е-е!» —
попятился от чудовища, оступился и полетел прямо
в водопад, на страшные подводные валуны...

Конечно, полетел он на самом деле не с моста,
а со своей кровати, ударился не о валуны, а об пол...
А что касается того, блеял ли Гриша по-козлиному,
то мама уверяет, что блеял.

Она говорит, что проснулась от этого крика, бро-
силась к Грише, подхватила его на руки и приня-
лась тормошить:

— Что с тобой, сынка? Не заболел ли ты? Может
быть, ты переел за ужином?

Гриша пришёл в себя и сказал маме:

— Нет! Ничего я не заболел... Это мне такой
страшный сон приснился... Будто стою я на мосту
и подходит ко мне козлище... «Скидывай, — гово-
рит, — ранец!» А я ему: «Фиг тебе, а не ранец!»
Да как схвачу его за рога, да как запущу прямо
в водопад! Он как трахнется об валуны да как за-
кричит: «Бэ-э!»...

Собираясь в школу, Гриша сказал матери:

— Не давай ты мне завтраки... Ты лучше давай мне денег. У нас в школе буфет открыли...

— Хорошо, — сказала мама и дала Грише рубль. — Сдачу, чтоб не потерять, положишь в ранец.

Разбойник был на посту. Он расхаживал по настилу моста, сердито фыркал от нетерпения, отрывал от досок щепки и жевал их прямо с гвоздями. Увидав Гришу, он гневно крикнул: «Бэ-э!» Наверно, это значило: «Ты почему заставляешь меня ждать?»

— Нет у меня, злище-козлище, никаких завтраков! Вот, рубль мамка на завтраки дала!.. — крикнул Гриша и показал козлу рубль.

А тот хоть бы понюхал рубль! Нет! Выхватил он из Гришиных рук целковый и принялся его жевать...

— Отдай! — завопил Гриша на всё Заполярье, но козёл только рогами в ответ помотал.

— А что он у тебя отнял? — спросил подбежавший Миша.

— Рубль, который мне мама на завтраки дала... — ответил Гриша.

— А зачем ты всяких нахальных козлов рублями кормишь? Их надо за разбой берёзовой кашей кормить! — сказал Миша, отвёл Гришу в сторонку, вооружил его хорошей берёзовой хворостиной и добавил: — Иди смело прямо на него, а хворостину держи за спиной... Как только он заступит тебе

дорогу, так ты и угости его берёзовой кашей! Мало будет — добавки всыпь... Да не трусь! Скоро пионером будешь...

Гриша так и сделал. Он собрал всю свою храбрость, двинулся на мост и, как только Разбойник преградил ему дорогу, требуя к рублю ещё и хлеба с рыбой, огрел его хворостиной. От неожиданности козёл даже на задние ноги присел...

После первой же добавки «берёзовой каши» он бросился со всех ног наутёк. На досках настила остался только вконец изжёванный рубль. Гриша поднял его двумя пальцами, поморщился и бросил в водопад: на такой рубль уже ничего нельзя было купить.

Однако Гриша не огорчился — это был последний день, когда он остался без завтрака на большой перемене. Впрочем, Миша поделился с ним по-братски куском пирога с рыбой и рисом.

— На! За храбрость! — сказал он.

Третий подарок

Пират оглох потому, что нырял в воду за камнями. А раньше это была очень хорошая белая с чёрными пятнами охотничья собака.

Погубили её ребята. Они швыряли камни у мельничной плотины и кричали:

— Пират! Возьми!

Пират бросался в воду, нырял — и вот оглох. Оглох он, правда, не совсем. Если он стоял близко от вас, то всё слышал, а чуть отбежит — слышит только свист. Таким мне его и подарил мельник дядя Костя.

Это был второй подарок в тот день. Мне исполнилось четырнадцать лет, и утром отец подарил мне настоящее охотничье ружьё. Конечно, я не утерпел и немедленно побежал на мельницу показать подарок дяде Косте. Он считался лучшим охотником, и я очень гордился, что он водит со мной знакомство.

— Занятно, — сказал дядя Костя, осматривая подарок. — У меня первое ружьё появилось, когда я уже из солдатчины воротился. Давно это было, ещё при царе Горохе... Ну, теперь берегись, гуси-лебеди, ближе чем на пять шагов к нам не подлетай!

— На пять... — обиделся я. — А помните, я из вашего ружья чирка подбил? Что же, там пять шагов было?

— Да то ж само ружьё убило.

— «Само»!.. А целился-то я!

— Ну не серчай, не серчай! — засмеялся дядя Костя. — Я пошутил. Ты у нас стрелок первый на всю округу!.. Постой, а как же ты будешь охотиться без собаки? Охотник без собаки — всё равно что мельница без воды.

— А я буду Пирата брать. Вы разрешите?

Дядя Костя как будто даже обрадовался:

— Правильно! Забирай собаку, забирай. Это будет тебе подарок от меня. Забирай, пока ребята его совсем не испортили. Ну, по рукам?

Дядя Костя положил на свою широченную ладонь полу пиджака, а я хлопнул по ней так, что полетела мучная пыль.

Пират, как только увидел меня с ружьём, обрадовался, запрыгал и охотно пошёл за мной на рыбный промысел, где мы жили. Мы вышли с ним на берег моря и пошли у самой воды. Дул северо-восточный ветер, который на этом побережье Каспия называется моряной. Моряна дула уже несколько дней и пригнала к нашему берегу целые поля астраханского льда.

Для Пирата лёд был диковинкой, ему никогда не приходилось видеть такие большие глыбы. Он забегал в воду и нюхал лёд, потом подбегал ко мне, отряхивался и смотрел на меня так, как будто спрашивал: «Что это такое?»

Папа уже не раз видел Пирата и поздравил меня с хорошим подарком. Мама дала старый половичок, и я устроил собаке постель в сенях.

Пират помахал хвостом и немедленно улёгся на подстилку. Скоро он так ознакомился со всей нашей квартирой, что сам научился открывать дверь.

Вечером я получил третий подарок — от Пирата.

Мы уже легли спать и потушили лампу. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вбежал Пират. Он

направился прямо к моей постели и положил на одеяло что-то тяжёлое, живое.

— Папа, папа! — закричал я. — Скорее зажги свет. Он что-то принёс! Живое!

Пока папа искал спички, я лежал и боялся пошевельнуться. Это что-то живое ворочалось и не то шипело, не то кашляло.

Наконец папа зажгёт спичку и подошёл к моей кровати. На одеяле лежал маленький чёрный зверёк.

— Павел, что это? — испуганно прошептала мама.

— Тюлень. Честное слово, тюлень!

— Откуда он взялся, папа?

— Надо полагать, с моря... Ну да, смотрите — Пират мокрый. Ясно, тюлень приплыл на льдине.

Мама зажгла лампу, и мы стали рассматривать зверька. Его мягкая бархатная шерстка лоснилась, точно была смазана салом; маленькие, совершенно круглые и такие же чёрные, как и шерсть, глазки смотрели на нас с ужасом, хотя сам тюленёнок из всех сил старался быть пострашнее. Он приподнимался на лапах, водил головой, шевелил усиками и на всех нас фыркал. Две крошечные ноздри то и дело закрывались тонкими перепонками, и тюленёнок тыкался носом в одеяло. Наверно, он

принимал его за поверхность воды и всё старался нырнуть.

Больше всех удивлён был сам Пират. Он даже отряхнуться позабыл — вода стекала с его шерсти прямо на пол. Такого зверя ему ещё не то что ловить — ни разу в жизни видеть не приходилось. И, наверно, он силился понять, что это такое: дичь или нет?

Долго мы не спали в эту ночь. Малютка — так мама прозвала тюленёнка — скоро успокоился и перестал фыркать. Мы гладили его, словно котёнка, а мама даже прослезилась. Ей было жалко и маму-тюлениху и тюленёнка-сироту. Ей казалось, что тюленёнок умирает с голоду и что ему немедленно нужно дать молока с хлебом.

— Мать, ты бы ещё квашеной капусты ему предложила или ветчины с горчицей. Рыбой они питаются, рыбой, мать! — сказал папа.

Но мама с ним не согласилась:

— Это взрослые питаются рыбой, а маленькие — молоком. Тюлень — животное млекопитающее.

Мама налила в блюдце молока, но Малютка не стал есть. У мамы нашлась и свежая рыба, но и рыбу тюленёнок не брал.

Папа оделся и принёс два ведра морской воды. Мы вылили её в корыто и пустили туда тюленёнка. Малыш сразу повеселел и принялся плавать, проворно перебирая ластами и тычась носом в края корыта.

Но, как только мы пустили тюленёнка в воду, Пират начал волноваться. Он залаял и прыгнул в корыто «спасать» тюленёнка. Еле мы его оттащили. Я хотел отвести его в сени, на его подстилку, но он снова ворвался в комнату.

— Ладно, оставь его здесь. Иначе он нам спать не даст, — сказал папа.

Пират улёгся рядом с корытом, положил голову на лапы и так лежал, не спуская глаз с Малютки, готовый немедленно броситься ему на помощь. А когда наш кот захотел тоже познакомиться с тюленёнком, Пират так на него рявкнул, что бедный Васька мигом взлетел на шкаф и больше оттуда не слезал.

Утром мы нашли Малютку за печкой. Он лежал на моей рубашке, вылизанный досуха и немного посеревший.

Два дня прожил у нас тюленёнок, и всё это время Пират вёл себя так, что и папа не мог объяснить его поведение.

Пёс ни на минуту не отходил от корыта и всё пытался вытащить тюленёнка из воды. Когда мама давала ему кусок хлеба, он осторожно брал его в рот и затем бросал в корыто. По утрам мы всегда находили тюленёнка на подстилке Пирата, а кота нашего он совсем выжил из дому.

Малютка ничего не ел, даже мелкую живую рыбу. Я наловил её целое ведро в ручье. Мы стали бояться, что он подохнет.

— Знаешь, Виктор, придётся нам выпустить Малютку в море. Так он долго не проживёт, — решил папа.

Хотя мне и не хотелось расставаться с тюленёнком, но пришлось согласиться. Мы привязали Пирата в комнате и понесли Малютку на берег. Пират начал скулить и рваться с привязи.

Папа в высоких сапогах — бахилах — забрёл в воду и поймал небольшую льдину — их ещё много плавало у нашего берега. Мы положили на неё Малютку, рядом набросали мелкой рыбы и оттолкнули льдину от берега. Ветерок подхватил её и погнал в открытое море.

Мы стояли втроем на мокром песке и провожали Малютку в далёкое плавание. Льдина становилась всё меньше и меньше. Тюленёнок приподнялся на лапы и водил головой, осматривая беспредельную даль серого Каспия. Он, наверно, искал свою маму-тюлениху.

И вдруг мне показалось, что рядом со льдиной зачернела голова взрослого тюленя. Может быть, мне это только показалось, потому что я очень хотел, чтобы тюлениха-мама нашла своего детёныша, а может быть, и на самом деле она его ждала все эти дни.

Когда льдина уплыла так далеко, что Малютки на ней почти уже не было видно, на берег прибежал Пират с обрывком верёвки на шее. Он сразу увидел льдину и тюленёнка на ней, и, не поймай

его вовремя папа за верёвку, он бросился бы вплавь догонять своего друга.

Весь день потом Пират скулил и бегал по берегу. Заметив в воде что-то чёрное, Пират бросился в воду. Но это оказалось просто куском обгоревшего бревна.

— Сходи ты с ним на болото. Может, забудется, — посоветовала мама.

Я побежал в комнату, схватил ружьё и крикнул Пирату:

— За мной, Пират!

Но Пират за мной не пошёл. Он посмотрел на меня с какой-то большой грустью, потом посмотрел на море, шумно вздохнул и, повернувшись, побежал в сторону мельницы, низко опустив голову, мотая своими мягкими ушами. Он ни разу не обернулся.

Я не стал его звать.

Наверно, Пират подумал, что мы утопили его друга.

Подводный магазин

А далеко на Севере, за Полярным кругом, где летом солнце не заходит, а зимой долгие месяцы не появляется на небе, работали водолазы. В одной бухте, или, как на Севере их называют, губе, лежал затонувший пароход. Погиб он в начале войны и за годы, что пролежал на дне морском, так оброс

водорослями и ракушками, что и на корабль уже был не похож. Стал каким-то мохнатым морским чудищем.

Прежде чем поднять пароход, водолазам надо разгрузить все его трюмы, а в трюмах полно было разных грузов. Водолазы опускались в тёмные трюмы, прикрепляли к стальным канатам ящики с грузами, плавучий подъёмный кран поднимал их на поверхность и укладывал на баржи.

После разгрузки водолазы собирались подвести под днище парохода стальные полосы, которые у них называются «полотенцами». На каждом конце такого полотенца — по большой скобе. К этим скобам, когда полотенца будут уже под днищем, водолазы прикрепят затопленные громадные железные бочки — понтоны, а потом выжмут из них воздухом воду, и они оторвут пароход от грунта и потянут вверх.

Поднимут морской корабль и отбуксируют на судоремонтный завод, а там инженеры посмотрят, что с ним делать: если корпус у него крепкий, не проржавел, — отремонтируют, и снова пароход будет по морям ходить. А если ржавчина проела обшивку, тогда корпус разрежут автогеном на куски и отправят на завод, в доменную печь. Из этого металла новые корабли можно будет строить.

Вокруг губы не было ни посёлка, ни даже домика. Только на мысе, при входе в губу, жили постоянно три человека: маячный смотритель Николай

Петрович, его жена Мария Павловна и их шестилетний сынишка Костенька. Скучновато жилось Костеньке зимой, когда всё снегом завалено, солнца нет и только сполохи северного сияния иногда промчатся по тёмному небу. Зато летом ему было чем заняться. С весны ловил он рыбу. В губе — треску и окуней на шнур, в озёрах — форель, пёструю кумжу, краснобрюхую палю. Потом в тундре поспевали ягоды, и Костенька ходил с чёрным ртом; осенью наступала очередь и грибов подосиновиков.

А в этом году с весны пришли водолазы, и у Костеньки сразу появилось много друзей. Они хоть и большие все были, но ничуть этим перед Костенькой не хвастали. А дядя Серёжа даже жалел, что во всей водолазной партии нет подходящего Костеньке по росту водолазного скафандра — рубашки со штанами, которые в воде не промокают, и медного шлема с четырьмя окошечками-иллюминаторами. Был бы такой скафандр, дядя Серёжа обязательно взял бы его с собой на затонувший корабль. А так приходилось Костеньке только слушать рассказы дяди Серёжи, как красиво под водой.

И вот пришла неожиданно-негаданно беда. Как-то отправился Костенька на озерко за кумжей. Погода была хорошая, оделся он легко, а не прошло и часа, как налетел с Баренцева моря шквал с дождём. Пока добежал рыбачок домой, промок, продрог да и свалился в жару... Водолазный доктор осмотрел больного и сказал:

— Воспаление лёгких... Только вы не отчаивайтесь, это теперь, в наши времена, не так опасно.

Три дня не уходил доктор с маяка и спас Костеньку от смерти. Но лежать Костеньке надо было ещё долго, пока доктор «выпишет его из госпиталя» — так в шутку дядя Серёжа называл комнатку, где лежал его приятель.

— Скучно ему... — жаловалась мама. — Я не могу ему здесь даже игрушек купить.

— Игрушек? Будут ему игрушки! — сказал дядя Серёжа.

Пришёл он на водолазный бот и стал готовиться к спуску. Сначала надел шерстяное бельё и вязаную шапочку. Потом его товарищи взяли водолазную прорезиненную рубашку — это рубашка и штаны, склеенные вместе, — растянули у неё резиновый воротник и надели на дядю Серёжу. На плечи надели медную манишку, на манишку повесили два свинцовых груза: один на спину, второй на грудь. На ноги надели кожаные ботинки со свинцовыми подошвами, опоясали петлёй сигнальной верёвки и, наконец, покрыли голову шлемом и привинтили его к манишке. Тяжело было дяде Серёже идти с таким грузом по палубе до лесенки, что была спущена с борта в воду, да зато под водой грузы помогают водолазу передвигаться. Без грузов он бы, как пробка, наверх вылетел.

Перед самым спуском водолаз попросил, чтобы к поясу привязали ему сумочку.

— Да ты не на базар ли собрался? — шутя спросили его товарищи.

— В игрушечный магазин, — серьёзно ответил дядя Серёжа.

После работы в трюме поднялся дядя Серёжа на палубу затонувшего корабля и пошёл по ней путешествовать, игрушки «покупать». Хотел было нарвать на корме букет актиний, да разве их нарвёшь? Стоят они пышными кустами, а чуть тронешь рукой — моментально съёжятся, только пятнышко останется. Тогда стал водолаз собирать в сумочку разные морские диковины. Набрал зелёных шариков — колючих ежей, положил несколько ракушек, похожих на веера, потом начал охотиться за морскими звёздами. Ему хотелось найти самую редкую, у которой двенадцать лучей во все стороны расходятся. Долго бродил он по палубе. Сверху, по телефону, ему приказали уже подниматься, когда, наконец, ему удалось разыскать жёлто-оранжевую красавицу такой величины, что она и в сумку не полезла. Так в руке и понёс её наверх дядя Серёжа.

Первый раз заблестели у Костеньки глаза так, как блестели до болезни, когда пришёл дядя Серёжа и разложил перед ним подарки студёного моря.

— Теперь дело за тобой... — сказал дядя Серёжа. — Поправляйся скорее да собирайся в дорогу. Я ещё натаскаю и звёзд, и ежей, и ракушек. Мы их высушим, и повезёшь ты под Ленинград бабушке с дедушкой морские подарки. И приятелей одаришь...

— И в школе подарю... Я теперь у бабушки буду жить, потому что мне надо в школу. Только не увижу я, как вы пароход поднимете... — сказал с грустью Костенька.

— Увидишь! Как будем поднимать, я попрошу доктора, и он всё сфотографирует, и я пришлю тебе фото заказным письмом. Ладно?

— Ладно... — прошептал Костенька. — Только обязательно заказным... — добавил он.

Содержание

Умелые руки	3
Жертвы «молнии»	14
Тринадцатый лишний	20
Сухопутные утки	25
Бешеный кот	31
Пирог с сюрпризом	36
Красные меченосцы	41
Про карася, который не угодил на сковородку	46
Петун третий	51
Афен-пинчер	56
Двадцать первый барабанщик	61
Синяя коробка	69
Про октябрёнка Гришу, пионера Мишу и про козла-разбойника	74
Третий подарок	82
Подводный магазин	89

Литературно-художественное издание
Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста

6+ Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.

Андрей Павлович Шманкевич

ПРО МИТЮ И ВИТЮ

Художник Евгений Тихонович Мигунов

Шманкевич А.П.

Ш71 Про Митю и Витю : рассказы / А. Шманкевич ; худож. Е. Мигунов. —
М. : Издательство «Мелик-Пашаев», 2016. — 96 с. : ил.
ISBN 978-5-9907700-7-2

Андрей Павлович Шманкевич (1908–1970) был удивительным человеком. Работал на флоте слесарем, котельщиком, матросом, водолазом. После несчастного случая под водой демобилизовался, закончил театральную студию, выступал в Центральном детском театре и Московском театре сатиры. В войну командовал взводом морской пехоты, а по её окончании был руководителем детского журнала. Но, главное, Андрей Шманкевич был прекрасным детским писателем. Он написал более 40 книг для детей.

В сборник вошли лучшие рассказы А. Шманкевича о мальчишках и девочках — весёлые и грустные, добрые и ненавязчиво нравоучительные, всегда с увлекательным приключенческим сюжетом. Иллюстрировал книгу замечательный художник Евгений Мигунов.

Руководители издательства
Мария Мелик-Пашаева и Татьяна Руденко
Редактор Виктория Затолокина
Корректор Ирина Москаленко
Вёрстка Марии Суворовой

Подписано в печать 29.06.2016. Формат 70×100/16
Тираж 5000 экз. Заказ № 1613220

Издательство «Мелик-Пашаев»
www.melik-pashaeв.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

скан Larisa_F

